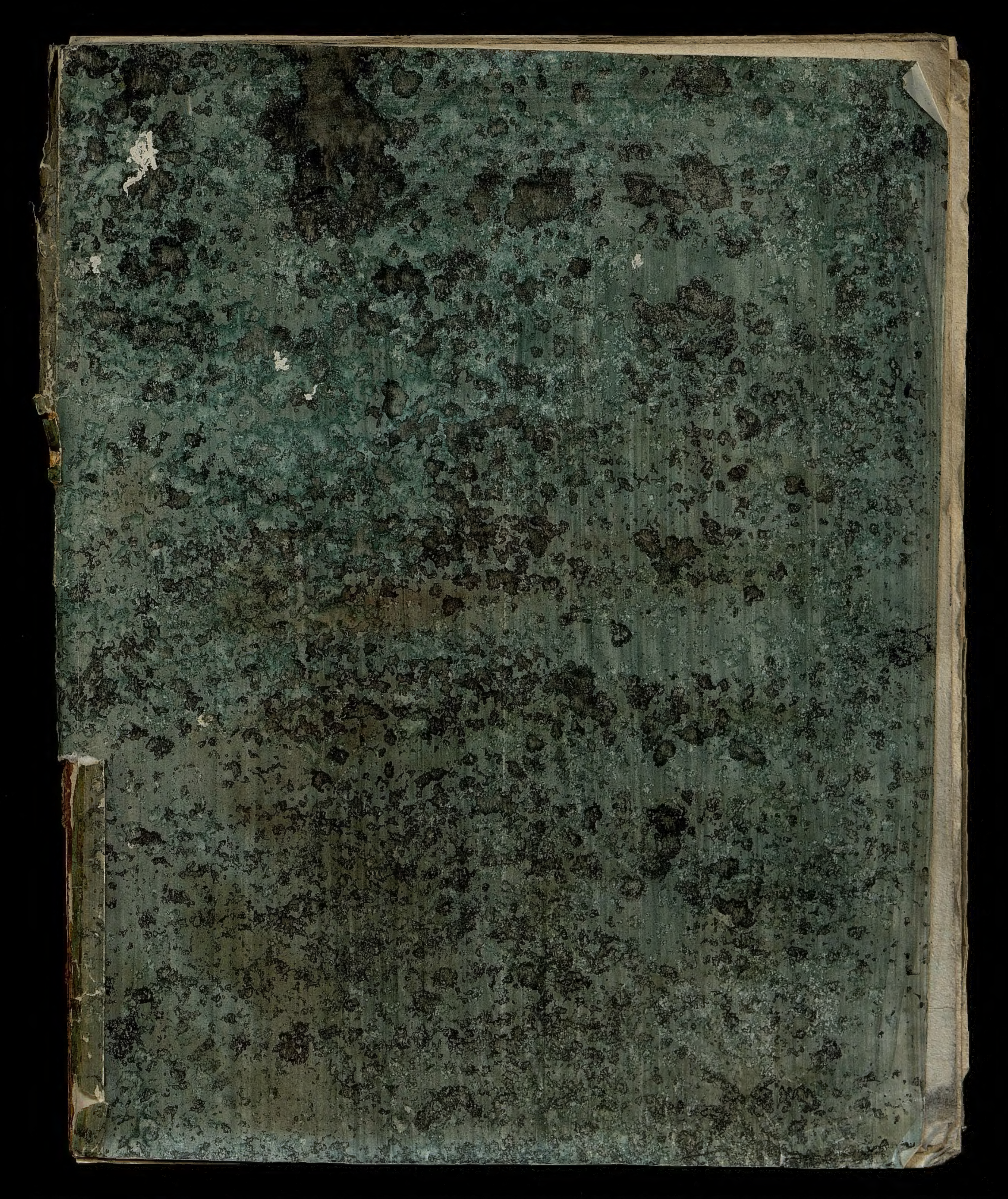
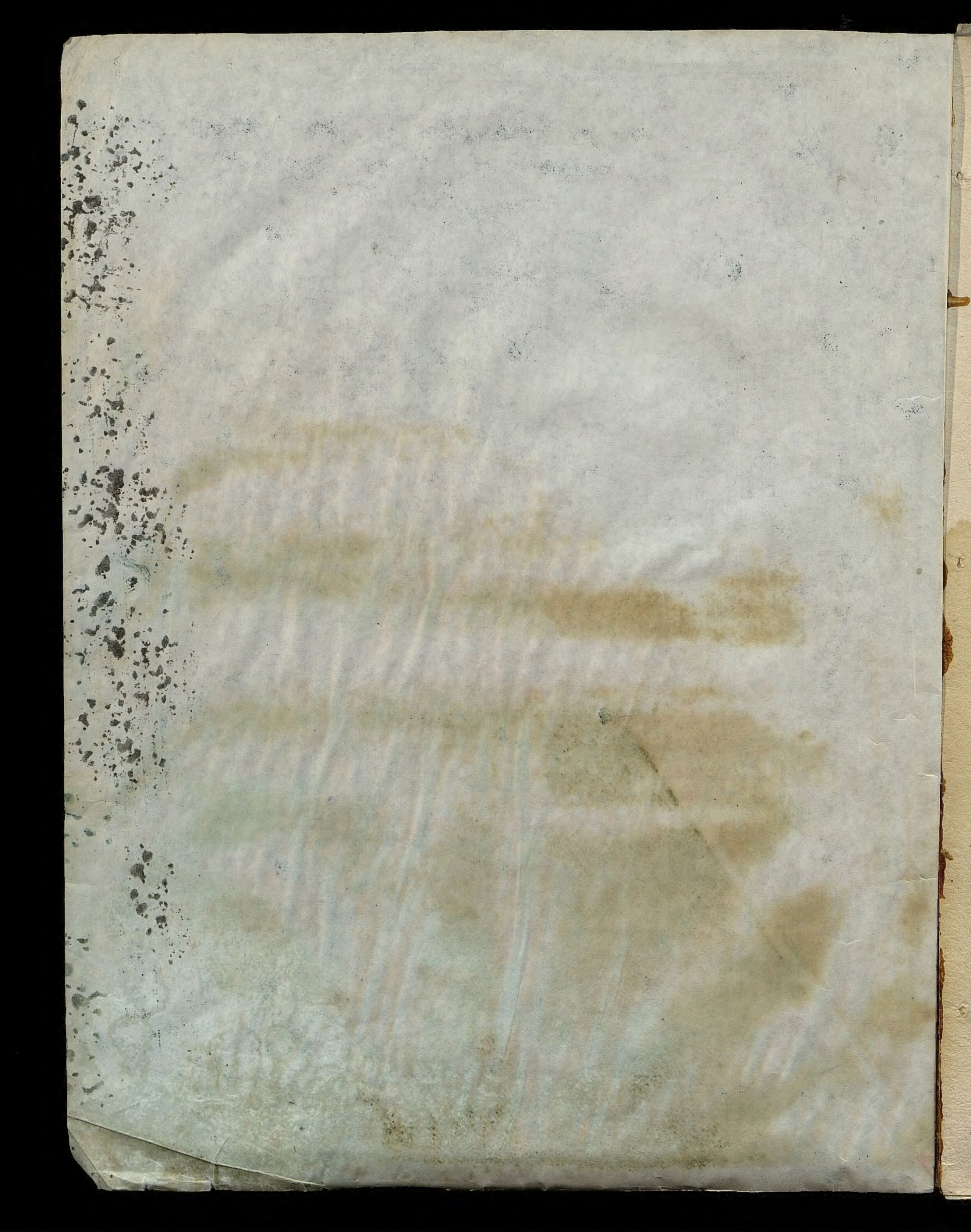

ORATIO

IN SOLEMNIBUS,

QUIBUS

UNIVERSITAS LITTERARUM CAESAREA

MOSQUENSIS

PACEM CUM GALLIA FELICITER RESTITUTAM

CELEBRAVIT,

Die X Julii An. MDCCCXIV

HABITA

a

GOTTHELF FISCHER,

Philos. et Medicinae Doctore, S. C. M. a Consiliis aulicis Ordinis Sti. Wladimiri quartae classis Equite, Professore P. O., Musei Univers. et Soc. Imp. Nat. Scrut. Directore, etc.

MOSQUAE,

Typis Caesareae Universitatis.

Credo ego, VOS, AUDITORES OMNIUM ORDINUM HONORATISSIMI, mirari, quid sit, quod, quum tot ſummi oratores inter Collegas aeſtumatissimos ſedeant, ego potissimum ſurrexerim, qui neque ingenio, neque auctoritate, neque dicendi facultate sim cum iis comparandus. Enimvero quis eſt, qui hisce memorabilibus laetissimisque temporibus ita sensus prorsus careat, quin gratum animum versus fati humani Moderatorem Summum erigat, Eique gratias agat, quod, pro insigni benignitate et aequitate sua, sceptrum Tyranni sceleratissimi fregerit, conſtantiam et magnitudinem animi IMPERATORIS ALEXANDRI suſtinuerit, atque EUM pacis per totum orbem terrarum reſtituendae auctorem fecerit? Fruſtra tamen tot, et tam ingentes res oratione exhaurire conabor. Paucis tantum verbis attingam illas, permittatis.

Novem anni praeterlapsi sunt, ex quo, auctoritate Consilii Academici, in loco hoc ornatissimo adparuerim. At quonam in ſtatu erant tunc res noſtrae? Bibliotheca publica, apparatus inſtrumentorum physicorum et chemicorum, horti botanici, et Museum Hiſtoriae Naturalis, omnes iſtae collectiones florebant tunc, permultumque inserviebant popularium noſtrorum eruditioni. Quid dicam de praesentia Auguſtissimi IMPERATORIS, qua hanc sedem Musarum anno saeculi hujus nono cohoneſtare dignatus eſt, et quae miram illi dignitatem tribuit, acerrimamque in omnibus doctrinarum praeceptoribus ac fautoribus aemulationem excitavit? Jam anno duodecimo opes noſtrae Academicae erant tam amplae ac ſplendidae, ut litterarum cupidi ex remotissimis etiam regionibus disciplinae caussa ad nos venirent.

Sed eodem hoc anno, *vir*, famam sibi quaerens opprimendo Galliam, occupando Italiam, enervando Germaniam, depopulando Hispaniam, vir in religionibus et rebus divinis negligentissimus, persuasionisque plenus, cuncta fato agi, vir denique omnia humana prorsus aliena a se putans, suscepit injuſtam invasionem in fines noſtros, dissuadentibus ipsis amicis. Exercitus illius quingentorum fere millium militum, et quidem non unius gentis, sed ex omnibus, quas vi ac perfidia subegerat, nationibus coacervatus, quinque agminibus Nemenum trajecit. Quo transmisso, siniſtrum cornu Oudinotus tenuit, mediam aciem Napoleon ipse. Hic illum dimittens, sequenti prosecutus eſt sermone: „Meta tibi eſto Petropolis; „totam iſtam viam occupato, omnia, quae te ab illa retinere „possint, occidito et comburito, sicut facere consuevimus. Ibi „manum siniſtram tibi porrigam, dextrâ sortem Mosquae et „totius Imperii Russici decernam. Quibus peractis, universum „orbem terrarum, quo lubet animo, dividemus, eruditionem cultum„que omnem exstirpabimus, et genus humanum pristina ignorantia „ac barbarie obruemus.“ Secundum haec cohortes Oudinoti statim se accinxerunt ad pugnam, sed admodum infeliciter rem gesserunt atque ingentem expertae sunt cladem. Interea media Gallorum acies, inaudita militum copia instructa, nubium instar, vaporibus electricis praegnantium, montesque fulminibus percutientium, vento citius se movit, ad conjunctionem medii exercitus nostri cum sinistro illius cornu arcendam prohibendamque. Nihilominus utriusque agminis milites nostri, tametsi quotidianis certaminibus lacesserentur, et iter tenderent per loca invia et impedita, ducum nostrorum prudentia ac fortitudine, eo, quo par erat, ordine in unum collecti sunt.

Civitate *Smolensk* capta, et ex parte in cinerem conversa, adparuit Kutusow. Mox post horribile praelium, quo ad inter-

necionem usque dimicatum, et post multa sanguinis flumina, quae campos *Borodinenses* in aeternum reddent memorabiles, in duram ac permolestam redactus est incertitudinem Napoleon, utrum remeandum sibi sit, an pedem promovendum? Difficile dictu, quot homines in illa cruenta pugna ceciderint; id certum et exploratum est, Russos Gallis ne passum quidem loci cessisse. Sola enim sapientia et plurimo rerum usu ductus, immortalis Kutusow exercitum suum discedere jussit, et *Mosquam* hostibus sine certamine tradidit.

Non ignoratis, AUDITORES OMNIUM ORDINUM HONORATISSIMI, quid deinde in urbe nostra factum sit. O magnum atque intolerandum dolorem! O tristissimam fortunam! Omnia, quae per plura saecula in omnibus fere regionibus a viris illustribus et litterarum amantissimis diligenter ac opipare congesta, et postea usui nostro publico dicata erant, paucis horis igne absumta sunt. Sacra et profana omnia promiscue hostes spoliarunt, versatique sunt sine ulla non modo religione, verum etiam dissimulatione in omni genere praedandi, diripiendi, latrocinandi. Quidquid auri, argenti, pretiosissimorum ornamentorum *Mosquae* fuit, id, praeter fumaria parietesque nudos, vel Vulcanus vel miles hostilis abstulit. Quid dicam de bonis nostris privatis? in quem devenerunt statum? — At quorsum hi angores, cruciatus, haec suspiria? — Non sibi res, sed se rebus submittere aequum est.

Conferamus haec cum tot viris, virtute et arte bellica praeclaris, quos praematura mors funesto hoc bello oppressit. Consideremus, quot filii parentum, parentes filiorum obitum graviter lugentes, domi sedeant moerore adfecti! — Piae animae! in aeternum memoria vestra celebrabitur. Quam dulcis et decora est mors, pro

salute, gloria ac prosperitate patriae oppetita! *Omnes eodem cogimur: omnium versatur urnâ serius ocius sors exitura.* — Sed illuc, unde digressa eſt, redeat oratio.

Quum *Mosqua* flagraret, Galli ita occupati erant in praeda colligenda, comportanda, extorquenda, ut exercitum noſtrum negligerent, deſtructum dispersumque eum crederent, certe locum, quem occupabat, prorsus ignorarent. Deus ipse immortali Kutusow consilium ſuppeditasse videtur, quo castra a latere poſuit, quum retrocedere simularet. Hoc enim modo non ſolum exercitum fertilissimis provinciis admovit, easque ab omni periculo tutatus eſt, sed etiam hoſtes coëgit via se recipere, quae ab illis devaſtata erat. Inprimis *Mosqua*, incendio ac ruinis ſtrata, Russorum animos contra invasores inflammavit, et omnibus unicum injecit desiderium aut patriam suam liberandi, aut honeſtam occumbendi mortem. Non meum eſt enarrare, quid indefessa cura et sagacitas ducum noſtrorum invenerit ad Gallorum copias occidione occidendas. Adhuc loca circa *Tarutinum* et *Maloiaroslawetz* ossium hoſtilium sunt plena, adhuc campi *Krasnenses* hoſtium ſanguine tincti sunt, adhuc undae *Beresinae* corpora vel caesa vel aqua suffocata verſant. Ita Dei Optimi Maximi numine, et militum noſtrorum fortitudine hoſtes e finibus noſtris ejecti erant.

Sed reſtabat aliud aeque magnum opus, sine quo pax nec certa nec tuta esse poterat: depellendum erat jugum, quod Germaniam indigne per plures annos premebat: solvenda vincula, quibus et animi et corpora reliquorum populorum conſtricta jacebant. Hujus vero tam ardui negotii explendi in TE, ALEXANDER Clementissime et Justissime, spes unica collocata erat. TV solus illi par eras; TV solus sapientia, sinceritate atque conſtantia, quibus omnium maxime polles, diversarum nationum ingenia ac voluntates diversas ad unum sensum deducere, et deductas tenere poteras. Neque aliter res

cecidit. TE enim Duce, et ſub TUIS auſpiciis bona causa vicit. Non eſt hujus loci ingentia illa, vix multis voluminibus absolvenda, facinora exponere, quae exercitus foederatus edidit. Ad ſolam *Lipsiam* tantae res geſtae, quantas audere vix humanum, perficere vero nullius, nisi Dei eſt. Praelio Lipſiensi ſimul *Germania* a ſervitute vindicata eſt, ſimul Tyranni ſuperbia ac saevitia contusa.

Anno 1814 ineunte legiones, foedere junctae, trajecerunt Rhenum, neque poſt hominum memoriam hunc amnem transgressus eſt unquam exercitus aut numero major, aut virtute excellentior, aut gloria illuſtrior. Jam in ipsa hoſtium terra saepius commissa acerrima proelia, ex quibus illi inferiores semper recesserunt. Providentia Dei Omnipotentis, quae in omnibus, in *Russia* ac *Germania* perpetratis, tam luculenter adparuit, eadem providentia etiam res Gallicas flexisse, ordinasse, et ad exitum optatum adduxisse videtur. Mense Martio capta eſt *Lutetia*, pulsus Tyrannus; mense Majo LUDOVICUS XVIII, per viginti quatuor annos exul, in regnum suum reſtitutus, eodemque mense pax cum Gallis renovata.

Neminem igitur Veſtrûm, AUDITORES OMNIUM ORDINUM HONORATISSIMI, dari puto, qui non sibi persuasum habeat, facta haec et extra vulgarem rerum ordinem esse posita, et non niſi solo Dei numine fieri potuisse. Enimvero honoris iſtius pars admodum magna referenda eſt etiam ad TE, ALEXANDER, Pater patriae Dilectissime, TUOSque Socios Potentiſsimos.

Hiſtoria docet nos, bella plus minusve cruenta semper orbem terrarum vaſtaviſſe, gentes ab aliis gentibus superatas, et plures tyrannos perdomitos exstitiſſe. Quodque olim fuerat, idem procul dubio et in posterum erit. At ubi inveniemus talia exempla, qualia ipsi vidimus? Ubi animum tam magnum, ad omnia paratum, et semper sibi constantem? in rebus arduis firmum, atque omnem consolationem ac fiduciam in Dei benignitate infinita quaerentem; in rebus secundis

aequum, justum et cuncta ad Deum referentem? Ubi inveniemus Heroem, ALEXANDRI IMPERATORIS nostri similem? IS enim coeptorum suorum successum prosperrimum non ad perniciem, sed ad salutem Regum convertit. Victarum civitatum opes non modo non corrasit, sed ne ex eo quidquam sumsit, quod belli jure ad IPSUM pertinebat; eundemque sensum militibus quoque impertivit. Arma in Germaniam transtulit, non ut Germanis leges dictaret, sed ut eos liberaret a Tyranni oppressione. Galliam bello persecutus est, non ut injurias innumerabiles, quibus illa subditos EIVS ceterosque populos nimis diu adficiebat, ulcisceretur, sed ut *Europae* pacem et tranquillitatem certam ac diuturnam redderet.

Omnes nationes consentiunt in eo, neque majores unquam res exstitisse, neque has ipsas, quae exstiterunt, a quopiam prudentius feliciusve admimiſtrari potuisse, quam ab IMPERATORE nostro. Quapropter omnes Nomen EJUS summis laudibus ad sidera ferunt, quibus ego, diei hodierni orator, id unum adjungo, velit EUM Numen divinum diu nobis et universo generi humano conservare.

Fati humani et totius universi Moderator, Deus Optime Maxime! Tibi et Dilecto ALEXANDRO Tuo nos et pacem et incolumitatem et omnia bona debemus. Fac ſalvum IMPERATOREM noſtrum CLEMENTISSIMUM, libertatis felicitatisque communis vindicem ac reſtitutorem generosissimum! Fac salvam Auguſtissimam EJUS Domum; ſalvos duces praeſtantissimos, ſalvos milites fortissimos! Fac, ut haec Musarum Mosquensium sedes, quae omni tempore ſtrenuam praeſtabat operam patriae, munificentia IMPERATORIS INDULGENTISSIMI ornata et exhilarata, cinerem abstergat, quo nunc obducta eſt, et in priſtinum redeat splendorem!

Настоящее торжество, ПП. ПП.! благоговѣйнымъ удивленіемъ и безсмертною благодарностію Великому ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ посвящаемое, не подобно всѣмъ другимъ, доселѣ пространныя области блаженнаго нашего Отечества радостными восклицаніями и шумомъ восторга столь многократно оглашавшимъ. Оно, какъ слѣдствіе неизъяснимо-чудеснаго событія, не принадлежитъ однимъ сынамъ Россіи. Оно соединяетъ въ себѣ согласныя веселія чувства и клики цѣлаго свѣта: — оно есть торжество всѣхъ народовъ, всѣхъ добродѣтелей, торжество истиннаго просвѣщенія, Наукъ и искуствъ, торжество неба, торжество, если дерзаю изрещи, самаго Бога, и въ наказаніяхъ благотворящаго, побѣждающаго въ насъ невѣріе и заблужденія, привлекающаго насъ въ сладостнѣйшій плѣнъ кроткаго Благочестія, въ плѣнъ несомнѣнной Вѣры на промыслъ Его, не зримо, но постоянно, въ насъ дѣйствующій, въ плѣнъ Правоты, предъ солнечнымъ лицемъ которой никогда не постоитъ сынъ лукавствія и коварства. Велики, многоразличны труды и подвиги донынѣ совершенныя; велика, необъятна причина торжества сего! ибо не Россія одна страдала, но вся Европа, вся вселенная ужасалась тиранственнаго ига. — Представьте мысленнымъ очамъ Вашимъ, ПП. СС.! страну обширную, многообразную, богатую, постигнутую внезапно яростію гнѣва Божія, надъ нею отяжелѣвшаго въ потопѣ, въ трусѣ, въ язвѣ все пожирающей; представьте, что сія страна нещастная, милосердующу Промыслу Верховнаго Царя Царей, наконецъ мановеніемъ таинственнаго перста Его, или дѣйствіемъ Его Ангела лучезарнаго, ставшаго благостію посредѣ поля казни и опустошеній, вдругъ успокоилась отъ потрясенія, свободилась отъ потопа гибельнаго, очистилась отъ язвы смертоносной: —

насталъ миръ; тучи прошли; благотворное солнце обратило къ ней взоры жизни и питанія; небо пролилось на нее въ росахъ и дождяхъ благодѣтельныхъ; долины, въ брачныхъ ризахъ весны цвѣтущія, движутся подъ стопами веселыхъ пастырей и земледѣловъ; холмы курятся благовоніями ко Всевышнему Творцу своему; горы, общему веселію соотвѣтствуя, помаваютъ лѣсистыми главами своими; изумленные, возхищенные радостію избавленія жители срѣтаются другъ съ другомъ, взираютъ другъ на друга въ безмолвномъ недоумѣніи, не вѣрятъ своему щастію; — бѣгутъ и ищутъ пепелищь, отечественныхъ полуразоренныхъ домовъ, нивъ; ищутъ храмовъ своихъ — и, цѣлуя прахъ родимыя земли своей, паки имъ вмѣстѣ съ жизнію и свободою возвращенной, обращаютъ взоры, души и сердца свои, неизъяснимою благодарностію исполненныя, къ Великому своему Избавителю. — Таково состояніе теперь Европы удивленной, еще не вѣрящей своему благополучію, отъ потрясенія междоусобій и раздоровъ, отъ потопа воинствъ, двадцать лѣтъ ея наводнявшихъ, отъ опустошительной язвы разврата, безбожія, переворотовъ, отъ позорныхъ цѣпей рабства избавленной. — Такова ея радость, съ шумомъ отъ восточнаго Океана до западнаго, отъ вѣчныхъ льдовъ до знойныхъ предѣловъ Африки разливающаяся. Такова ея благодарность, благоговѣніе, любовь и нѣжная довѣренность къ Избранному во спасеніе Богомъ, Великому нашему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ! — О сколь восхитительное, сладкое для сердца Росскаго зрѣлище! — Вся Европа — театръ торжества его! — Отъ пышнаго Лондона чрезъ всѣ царства — простерлась единая священная стогна, лаврами и оливами усыпанная, по которой шествуетъ Онъ, праведнымъ тріумфомъ сопровождаемый, посредѣ безчисленныхъ народовъ, въ присутствіи Государей, Имъ избавленныхъ, при сорадующихся Небесахъ, при ликующей природѣ, въ блескъ и велелѣпіе облеченной,

шествуетъ въ вѣчную Свою Капитолію, въ мѣсто селенія Своего, въ Домъ, изъ коего подвигнулся Онъ на брань великую, къ чадамъ Своимъ, толико Имъ любимымъ, толико Его любящимъ: — каждый градъ — алтарь, усердіемъ и любовію благоухающій; каждый тронъ — жертвенникъ мира и дружества, къ Нему обращенный; каждое Царство — семейство Ему преданное; каждый языкъ Европейскій — хвала и признательность непритворная: — воинъ и земледѣлецъ, купецъ и ремесленникъ, ученый и неученый, Царь и подданный, всѣ одушевлены единымъ чувствомъ, всѣ Ему обязаны, всѣ благодарны! — Съ нивъ опустѣвшихъ, и снова оживотворенныхъ рукою земледѣла, Имъ спасеннаго; съ морей, паки воспріявшихъ свободу, и красующихся несчетными кораблями, отъ одного края земли до другаго преносящими сокровища; съ рѣкъ, паки земли благословеніемъ покрытыхъ; съ холмовъ и долинъ, не звуками чуждаго оружія, но гласомъ родныхъ веселящихся поселянъ оглашенныхъ: — на всемъ пространствѣ — отъ лучезарныхъ вратъ востока до златыхъ волнъ утомленный день успокоевающихъ, при несчетно различныхъ климахъ народовъ, при несчетно различныхъ одѣяніяхъ, — единый ѳиміамъ восходитъ, единъ алтарь возвышается, единая хвала воспаряетъ къ небу, единое славословіе слышимо: славословіе Бога, наказующаго и милующаго, славословіе АЛЕКСАНДРА, Исполнителя великихъ судебъ Его.

Но если вся Европа толикою радостію, толикимъ благоговѣніемъ и признательностію къ Великому ГОСУДАРЮ преисполнена, то какія чувства особенно должны воспламенять тебя, Россія, толико Имъ превознесенная? Какъ должна радоваться и красоваться ты, мать градовъ Россійскихъ, Москва благословенная, и Вы знаменитые Чада ея, вѣрнѣйшіе Сыны Отечества! Ибо посредѣ васъ съ высокихъ холмовъ Смоленскихъ, въ часы скорби, низ-

шелъ Ангелъ, Помазанникъ Божій, какъ посредѣ избраннѣйшаго Своего народа; къ вамъ первымъ возгремѣлъ гласъ Его, призывающій на защиту Отечества, — и не втунѣ. — Велика слава твоя, Москва! чудесна твердость твоя и въ развалинахъ непреоборимая! — Но кѣмъ крѣпился духъ сей? — Кѣмъ жили сладкія надежды твои, вѣрная любовь твоя къ Отечеству, нещастіями и соблазнами толико истязуемая? — Духомъ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ. — И такъ справедливость требуетъ, чтобъ нигдѣ похвала Ему не воскурилась усерднѣйшая, какъ на твоемъ почтенномъ пепелѣ, въ которомъ избралъ себѣ мѣсто неистощаемый пламень любви отечественной; нигдѣ болѣе, какъ въ Храмахъ Наукъ, тебя украшающихъ, и вмѣстѣ съ тобою пострадавшихъ; нигдѣ сильнѣе, какъ въ томъ градѣ, который шесть сотъ лѣтъ былъ вѣрнѣйшею опорою Престола, и въ томъ Храмѣ Наукъ, который наслаждался особенными щедротами Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ.

Солнце славы и щастія нашего, Великій, Благословенный Небомъ, Препрославленный избавленными Тобою Царями и народами, прости мое дерзновеніе, если осмѣлюсь изобразить нѣкоторыя токмо черты Твоего, дивными событіями оправданнаго, величія!

Предпринимая сіе силы мои далеко превосходящее дѣло, и желая всю обширность его неизмѣримую показать, сколько можно, съ одной точки зрѣнія, не нахожу я иного средства, какъ описать ходъ и дѣйствія Великаго нашего ГОСУДАРЯ токмо въ прошедшей вѣчнопамятной брани; ибо къ ней могутъ отнесены быть всѣ великіе подвиги Его, со времени вступленія на Всероссійскій Престолъ, какъ пріуготовительные, и всѣ будущія блага, въ великомъ Его сердцѣ, для насъ созрѣвающія, яко плоды увѣнчанной успѣхами брани. Какъ древле Моисей, вождь Израиля, искушаемый толикократно корыстолюбивою и завистливою политикою Египта,

перешелъ невредимъ посредѣ моря въ землю, праотцамъ его обѣтованную, текущую млекомъ и медомъ: тако АЛЕКСАНДРЪ, Предводитель Росса, съ самаго начала Своего царствованія, искушаемый новымъ Фараономъ, провелъ его наконецъ ко благу и славѣ, паче доблественна, седмерицею очищеннаго, совершеннѣйшаго сквозѣ кровавое и бурное море войны и соблазновъ. Необинуясь вѣщаю, что великая брань сія болѣе наше благо, нежели злоключеніе, и въ самомъ началѣ своемъ, когда по видимому щастіе прилѣпилось къ знаменамъ врага неистоваго, была уже болѣе наша слава, нежели униженіе. — Въ грозно-шумномъ гласѣ битвъ взывалъ къ намъ благотворный Промыслъ: Гряди смѣло, гряди, народъ возлюбленный, къ великой метѣ, къ очищенію нравовъ твоихъ, къ совершенствованію добродѣтелей, къ прочной силѣ и славѣ! — Если сей Божественный глаголъ сначала не былъ внятенъ для нѣкоторыхъ ушесъ, покрытыхъ завѣсою предразсудковъ; то онъ гремѣлъ въ сердцѣ ЦАРЯ нашего: Онъ, какъ спасительная тайна судьбины, скрывался въ Его великомъ, непреоборимомъ духѣ, который все во благо время провидѣлъ, измѣрилъ и рѣшилъ. — Тако окончались дѣла великія, ознаменовавшія, необъятныя для Исторіи, 12 и 13 й годы нашего столѣтія.

Въ самомъ дѣлѣ спроситъ потомство строгое и справедливое, въ чемъ заключалась, П. П. СС.! сія чудесная, сверхъестественная сила, которою совершились событія, столь великія многообразныя, въ столь краткое время? — Какимъ дхновеніемъ бури совлеклась съ нещастной Европы кровавая одежда брани и раздоровъ, цѣлыя двадцать лѣтъ на тяжкихъ ранахъ ея возлежащая, — совлекалась, или паче преобразилась въ ризу мира, въ ризу весны цвѣтущія, плодотворныя? — Таковы были чудеса отъ Сѣвера, чудеса АЛЕКСАНДРОВЫ! — Или — восхотѣлъ Онъ, опершись на непреоборимую мощь своего Росса,

разрушить новый высящійся Вавилонъ? — или возжадалъ Онъ распростерть предѣлы Своего Государства и могущественное вліяніе Свое надъ Царей и народовъ? — или, подобно древнимъ Кирамъ, древнимъ Александрамъ, возжелалъ быть обладателемъ вселенныя? — или, увлекаемый блестящимъ призракомъ славы героической, пренебрегъ смиренный, но сладостный гласъ благодатнаго мира, и позабылъ его въ буряхъ брани? — Сокройтесь и унизьтесь вы, древніе Киры, древніе Александры, — и ты Римъ — съ своими Цезарями и Помпеями! изчезните столько посрамленные въ ничтожномъ своемъ новомъ подражателѣ! — Здѣсь дѣло было не человѣческое, а Божественное, намѣреніе не страсти честолюбія и жадности, столь свойственной душамъ, впрочемъ необыкновеннымъ; здѣсь было намѣреніе высокое: *жертвовать Собою, чтобъ искупить спасеніе и независимость человѣчества.*

Возшедый на прародительскій Престолъ по сердцу Великія ЕКАТЕРИНЫ, Великій ГОСУДАРЬ нашъ преклонился сердцемъ и духомъ единственно ко внутреннему благоустроенію Отечества. — Давно уже клубилась грозная туча надъ Европою; кровавые вихри брани пробивались сквозь мракъ сей на Западѣ и Югѣ; оспориваемые Океаны пѣнились подъ крылатыми громадами, разносящими молніи и громы. Какъ мудрый и довольный собою мореходецъ, съ родимаго брега, изъ подъ милаго крова, благословеннаго тишиною и обиліемъ, взираетъ на свирѣпствующія вдали бури: такъ изъ глубины Своихъ чертоговъ, огражденныхъ любовію вѣрнаго народа и благами мира, взиралъ АЛЕКСАНДРЪ на терзаемую раздорами Европу, на дмящееся самолюбіе тирана, распространяющаго далѣе и далѣе свое владычество, взиралъ спокойно, — но небезпечно: Онъ былъ мудрый домоправитель, во благо время все запасающій, укрѣпляющій, исправляющій. — Чѣмъ же началъ ГОСУДАРЬ Всемилости-

вѣйшій? — Жертвою Богу Всемогущему, Имъ же цвѣтетъ жизнь и слава Царей и Царствъ; помазанныя руки Его, возложивъ первый камень во основаніе великолѣпнаго Казанскаго собора, расторгаютъ въ то же время грозныя вереи *тайныя*, столько ужасной для правъ и свободы гражданъ. — Вѣдая, что воспитаніе и просвѣщеніе, первая основа и крѣпость Государственнаго благосостоянія, къ вамъ обратилъ Онъ милостивое око Свое, блаженныя Науки! — Вѣчно-сладостно и приснопамятно вамъ оное славное время, когда творческимъ словомъ Его вознеслись для васъ новые вертограды отъ береговъ Балтійскаго моря до береговъ великой Оби; — когда щедрая рука Его, яко десница Божія, разверзлась для васъ щедротами и благостію; — когда духомъ Его воспламенѣнные сыны Россійскіе приносили свои сокровища на устроеніе храмовъ вашихъ, на распространеніе пособій просвѣщенія, на обезпеченіе вашего спокойствія! . . . . Сыплются милліоны на врачеваніе страждущаго человѣчества, воздвигаются пристанища сиротамъ и вдовицамъ, пріемлются новыя мѣры къ охраненію здравія воиновъ, упокоеваются труды и почтенныя раны защитниковъ Отечества! — Въ то же время учрежденія, правосудію посвященныя, законы, преобразованіе Правительства занимали Его Отеческое сердце. — Постепенное умноженіе и устроеніе силъ ратныхъ, особливо укрѣпленіе границъ, Науки, къ самому искусству брани относящіяся, были главнымъ предметомъ Его дальновиднаго взора. — Мудрый, кроткій, благій, любознательный Отецъ Своихъ народовъ! почто не могъ Ты долѣе услаждаться столь любезными для нѣжнаго сердца Твоего дѣяніями? — Отдаленная прежде война гремитъ ближе и ближе; сердце Царево съ прискорбіемъ, съ усиліемъ отклоняется отъ дѣлъ Своей благости, отъ мирнаго вертограда Своего, такъ, какъ земледѣлецъ, при слышимыхъ вдали глухихъ отзывахъ грома, при рѣдкихъ капляхъ дождя, при возшумѣвшей

дубравѣ, при почернѣвшихъ струяхъ рѣки съ горестію познаетъ приближающуюся бурю, поднимаетъ орало, и уныло шествуетъ отъ милыя нивы, которой ввѣрялъ онъ свои сокровища! — Не могъ, ПП. СС.! завистливый тиранъ, попирающій стопами законы и вѣру, оковавшій уже желѣзною цѣпію большую часть Европы, незнающій предѣла своему властолюбію, не могъ взирать спокойными очами на блаженную и сильную Россію: она заслоняла его виды; при стопахъ сего огромнаго колосса исчезали ложныя тѣни величія Наполеонова; при стопахъ сего колосса видѣлъ себя Пигмей — и содрагался. — Еще слышалъ онъ эхо громовъ Россійскихъ, потрясавшихъ нѣкогда утесы и пропасти Алпійскія; еще мечталъ онъ видѣть сего грознаго орла, гнѣздившагося на снѣжномъ темени Сен-Готарда! — Еще вновь сильнѣе воскипѣла зависть его, когда мирная Георгія, утѣсняемая дикими сынами Кавказа и Персіи, подобно дѣвѣ, отъ лютыхъ горныхъ звѣрей, скрывающей себя въ объятія матери, добровольно подверглась покровительству Россіи, и облобызала Скипетръ кроткаго АЛЕКСАНДРА. — Страшно, поразительно было для него вліяніе Россіи на дѣла Европы, страшны союзы ея Владыкъ съ Владыками Росса — союзы, утвержденные надежною вѣрою и постоянствомъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія. — Но какъ начать явно открытую брань еще не созрѣвшему Аду противу вѣчнонеизмѣняемаго Неба? — какъ явно возстать коварству противу прямодушія, враждѣ противъ миролюбія, ненасытности, ни чѣмъ недовольной, противъ умѣренности всѣмъ жертвующей, пришлецу противъ Царя наслѣднаго, безъотечественному противъ Сына и Отца Отечества? — Нѣтъ, ПП. СС.! не смотря на искаженный вѣкъ нашъ, на развращенные до послѣдней степени нравы, природа не производила еще столь продерзскаго чудовища. — Наполеонъ, будучи ниже человѣка въ существѣ своемъ, хотѣлъ казаться

человѣкомъ, -- и буйственные сотворили для себя въ немъ великаго. — Онъ призвалъ коварство, лесть и раздоръ въ рабы дальновидныхъ своихъ намѣреній. — Тотъ же духъ, который исторгнулъ его изъ пыли ничтожества, который правилъ его рукою, устремлявшею первые перуны противъ благодѣтельныхъ своихъ сограждaнъ, собравшихся на стогнахъ переворотнаго града, который въ Синагогахъ изрыгалъ хулы на Христа Спасителя; а въ Египтѣ чтилъ Магомета, который темною, тайными убивствами оскверненною тропою, провелъ его отъ солдата до Консула, а отъ Консула до Императора; — духъ, раздравшій надъ главами слабыхъ членовъ Имперіи, освященную вѣками, порфиру Цезаря Римскаго, — разбившій о камень лютаго тиранства трoякую тіару Папы, — сей духъ губительный, какъ роковый ангелъ бездны преисподнія, силою Вышняго Карателя распечатанной, изрекъ ему: дѣли и обладай. — Посѣвай плевелы вражды, и соберешь пшеницу блага и почестей. Мечь лести — острѣе меча булатнаго; развратъ и безбожіе — опустошительнѣе пламени военнаго; коварство союзовъ и переговоровъ — надежнѣе сомнительной брани, которой жребій не зависитъ часто ни отъ многочисленныхъ армій, ни отъ искусства. — Ослѣпляй! — ты будешь великъ, доколѣ не узнанъ! -- Се! правила Наполеоновы. -- Ими-то ополчился онъ противу Росса и АЛЕКСАНДРА. -- Разсѣвались бунты, составляемы были хитрыя начертанія мира, всегда болѣе вредоноснаго, нежели война; увлекаемы были всѣ въ лабиринтъ враждебной политики и брани, дабы единый возрасталъ, а всѣ другіе, страдая, умалялись. – Съ одной стороны Цари и Князи, шатающіеся между ослабѣвшею отъ раздѣла доблестію и всемогущимъ соблазномъ, обращали къ Тебѣ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, умоляющія о подкрѣпленіи очи, и въ то же время склоняли выи подъ ярмо постыдное! Съ другой стороны возставали противъ Тебя коварствомъ подущенные мирные сосѣди. Требованія, оскорбительныя для вели-

чія Твоего, стѣсненіе торговли Твоихъ народовъ, угнѣтенія Друзей Твоихъ и Союзниковъ, — все воспаляло пожаръ на цѣломъ пространствѣ Европы, для того, кажется, чтобъ вызвавъ сердоболіе Твое къ вспоможенію, къ защищенію угнѣтенныхъ и правыхъ, утомлять Твои силы пожертвованіями и заступленіями, возбуждать недовѣрчивость въ Друзьяхъ Твоихъ договорами и новыми крамолами! . . . . . Трудный подвигъ для миролюбиваго Твоего сердца! Но что предпринять? Обѣты въ очахъ справедливаго святы. Отсюда брани: Персидская, Германская и Шведская; отсюда столь частыя измѣненія на лицѣ Европы, пораженной смертоносным недугомъ. — Но не взирая на безчисленные адскіе ковы тирана, на многія измѣны самыхъ тѣхъ, къ которымъ простерта была защита; не взирая на то, что всѣ Цари и народы, очарованные злоухищреніемъ, обуявшіе неистовою заразою алчности, не узнавали болѣе ни гласа свободы, ни гласа чести, и съ нелѣпою гордостію лобзали жезлъ желѣзной, который пасъ ихъ, и рабственныя оковы, которыя обременяли ихъ; не взирая, говорю, на всѣ сіи препятствія, Великій МОНАРХЪ Сѣвера и Россъ Его вездѣ явили себя достойными своея славы, своего святаго имени! — Тиранъ чувствовалъ, что о сей камень должна претнуться стопа его, и что ядъ лести его не растопитъ сего гранита краеугольнаго, на немъ же Вѣра и Богъ основали Храмъ свой. — Трепетало яростію тигрово сердце, когда узрѣлъ онъ въ блескѣ, для него непостижимомъ, любовь къ Отечеству, ГОСУДАРЮ и закону; когда, по гласу МОНАРХА, подвигнулись народы Россійскіе, яко песокъ моря, возметаемый грознымъ дыханіемъ бури; когда полились сокровища частныя въ сокровищницу Отечества, подобно потокамъ крови, въ разныхъ вѣтвяхъ жилъ заключенной, приливающейся къ сердцу. — *Пултускъ* и *Прейсишъ-Эйлау* напомнили ему Требію и Нови. — Но не столь опасна была для него брань, сколько Самъ АЛЕКСАНДРЪ. — Се новыя

козни и коварства! Тиранъ притворно является другомъ: воды Немана волнуются негодованіемъ, внимая Единаго правоту и чистосердечіе, а другаго порабощеніе Европы замышляющаго, привѣтствія лести, слишкомъ много на себя уповающей, и готовность къ скрытому мщенію. — Тильзитъ!.. Но я не говорю о тебѣ — ты есть тайна гнѣва Божія, тогда уже грозившаго злодѣю и написавшаго въ Небѣ его кару. — О наглость неизреченная! . . . . Уготовляющій узы и гибель просвѣщеннѣйшей части міра надменно величаетъ себя ея покровителемъ! . . . . Союзникъ АЛЕКСАНДРА, и въ то же время тайными пронырствами вооружающій противъ Него полсвѣта: Оттоманскую Порту, Англію, Швецію, Персію, дабы око Недремлющаго, Великаго неназирало злодѣйствъ его. — Восхищенный мечтами своими, рѣшается совершить издавна устроенный имъ помыслъ, свергнуть Бурбонскій Домъ съ Гишпанскаго, Браганскій съ Португальскаго престоловъ, и уничтожить съ Папскимъ вліяніемъ — во всѣхъ отношеніяхъ Вѣру, какъ опаснаго для него, единственно оставшагося Ангела хранителя съ семъ мірѣ. — Но вѣсы Божія правосудія уже склонились . . . . урна судьбы таинственной поставлена на Престолѣ предъ очами Всемогущаго. — Вселенная въ трепетномъ ожиданіи: духъ благій, или злый господствуетъ? — Труба свободы грянула въ первый разъ на поляхъ Гиспанскихъ. — Тильзитъ, сей столько нечестивымъ прославленнный Тильзитъ, открылъ на груди разслабленной уже Франціи раны, изъ которыхъ кровь и золото восьмидесяти миліоновъ народа текли до новаго паки-бытія Европы. — Съ другой стороны миръ съ Швеціею, начертанный на предѣлахъ Сѣвернаго міра, на полюсныхъ скалахъ Торнео былъ рукописаніемъ рока для устрашенной уже души Наполеона!.. . О чудо притворства! Тиранъ сорадуется, соплещетъ успѣхамъ Россійскаго ИМПЕРАТОРА, и, между тѣмъ втайнѣ вооружаетъ противъ Него еще Западъ; старается укрѣпить съ Нимъ свои

связи, и мыслитъ распространить въ Его Имперіи внутренніе раздоры! — Видѣлъ, видѣлъ Великій ГОСУДАРЬ пути его злоухищреній, но хранилъ покой и кровь своихъ подданныхъ, или паче предчувствовалъ уже будущее свое призваніе во Спасителя Европы. Скоро мстящія судьбы внушили Наполеону ужасное намѣреніе, которое должно было погубить его! — Онѣ внушили ему дерзость Титановъ, воюющихъ противъ Юпитера, — дерзость покорить оружіемъ Россію, которой МОНАРХА и народа, подобно прочимъ народамъ, не могъ уловить онъ ни коварствомъ, ни лестію.

Въ сіе время, въ сію годину единственную міра, Всевышній Правитель Царей и Царствъ, изъ глубины неисповѣдимаго чертога горняго, склонивъ наконецъ умилительные очи на уничиженіе и страданія заблудшихъ чадъ Своихъ, на восходящій до небесъ Вавилонъ, на дракона ужаснаго, въ лывахъ ничтожныхъ воспитаннаго, подъемлющаго рогъ свой, разверзшаго челюсти свои на поглощеніе міра, помыслилъ и возскорбѣлъ; но свѣтлое Око Его прояснилось, воззрѣвъ на Сѣверъ: *отселѣ спасеніе!* Тако, испытавъ сердце Своего возлюбленнаго Помазанника, возложилъ на рамена Его, кромѣ бремени Россіи, все тяжкое бремя разслабленной и наказанной уже Европы, все бремя томящагося человѣчества. — Довольно, изрекъ Онъ, свободи міръ, Мужъ по Моему сердцу! — Сынъ гибели и наказанія уже на Твоихъ предѣлахъ; дѣйствуй! . . . .

И воды Немана пьютъ уже кони соединенныхъ народовъ, влекомыхъ отъ матерняго лона, подобно овнамъ, на жертвенное заколеніе. Послѣдняя усилія умѣренности АЛЕКСАНДРОВОЙ остались безуспѣшны. — Адъ раскрылъ свои челюсти. Всесильный Установитель дѣяній и бытій человѣческихъ! какія оружія ниспо-

шлешь теперь возлюбленному Твоему Россу, новому Твоему Израилю? . . . Гдѣ щитъ, гдѣ лукъ Твой? гдѣ сила Наввиновъ, разрушившихъ нѣкогда Іерихонскія стѣны? — Какъ противостать сему разливу геэнны, сему собранію народовъ, которыхъ ополчила алчность корысти огнемъ и громами, сему потопу, хлынувшему отъ Запада на поглощеніе Сѣвера! . . . Сіи оружія хранились въ мужественномъ сердцѣ Великаго АЛЕКСАНДРА, какъ въ храминѣ Предвѣчнаго Царя браней. — Сіи оружія не земныя, но небесныя; ибо бремя, возложенное на ГОСУДАРЯ, не человѣческое, но Божественное; слѣдовательно однѣ силы земныя не могли быть достаточны.

Кто нападаетъ? — кто ограждается? — къ чему стремится одинъ? — чего желаетъ Другой? — какія побудительныя причины одного? какія Другаго? — Отвѣты на сіе опредѣляютъ и образъ войны, и оружія въ ней дѣйствующія.

Воюетъ Злоба и Алчность, не знающая предѣловъ, Развратъ и Коварство, Зависть и Лютость необузданная. — Въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ мѣрѣ, предпринятой врагомъ, противопоставляется равная мѣра: козни — littleкознямъ, продерзость — продерзости, месть — мести, грабежъ — грабежу, опустошеніе вознаграждается опустошеніемъ. Но здѣсь, паки говорю, дѣло не человѣческое, а Божіе; здѣсь совершалось искупленіе Вѣры, церкви, Святыни, Престоловъ и Царей, промысломъ Вышняго, рукою АЛЕКСАНДРОВОЮ! — Если бы Спаситель Европы употребилъ тѣ же самыя орудія противъ вторгшагося непріятеля, какими ополчился сей послѣдній: тогда жребій упорной брани зависилъ бы отъ случая, отъ порядка происшествій болѣе или менѣе спутаннаго; но Богъ возхотѣлъ ознаменовать явно на Благословенномъ Своемъ высочайшую Свою силу и вѣчную по-

бѣду. — Богъ и АЛЕКСАНДРЪ судили изгнать, истребить врага совершенно *противуположными орудіями.* — Продерзскую быстроту утомила благоразумная медленность, безбожіе поражено мечемъ Вѣры, лютость изсохла предъ солнечными очами великодушія, лукавствіе поблѣднѣло отъ лица непреоборимой истинны, лесть сокрушилась о камень твердости и постоянства, сѣти коварства истлѣли подъ стопами небесныя, ничего, кромѣ Бога, не боящейся добродѣтели. — Такъ воевало Небо съ адомъ! — такъ воевалъ АЛЕКСАНДРЪ съ Наполеономъ!

Позвольте, ПП. СС.! представить сіи высокія вѣнценосныя добродѣтели, сіе свыше данное оружіе, имъ же Царь Славы сломилъ рогъ врага гордаго, и сокрушилъ врата мѣдныя, въ нѣкоторыхъ событіяхъ, извѣстныхъ цѣлому міру.

Прежде всѣхъ являеться Ты, всемогущее изліяніе неба, животворящее свойство Божества неисповѣдимаго, сила и величіе Престоловъ; — Ты камень незыблемый, на немъ же утверждается знамя міра и знамя брани; Ты Божественная Мудрость, даруемая единственно Царямъ благочестивымъ, избраннымъ отъ Бога. — Небеса идутъ и прейдутъ: слово Твое и дѣйствія не мимоидутъ. — Возсѣдящая превыше сей, бѣдствующей юдоли испытанія, надъ симъ моремъ непостоянства, безпрерывно бурями страстей возмущаемымъ, неподвижная, какъ вѣчность посредѣ вѣковъ другъ друга смѣняющихъ, неистощаемая, какъ Природа, и въ тлѣніи своемъ обогащающаяся, Ты единымъ взоромъ спокойнымъ и важнымъ соединяешь начало и конецъ, бытія и причины; и смертные сами не понимаютъ, какъ повинуются таинственному, путеводящему мановенію Твоего перста. — Ты, оставивъ небо, въ смутныя времена сіи для Россіи, низсошла и обрѣла чертогъ свой въ сердцѣ АЛЕКСАНДРА. — Богъ невидимый открывается

въ видимыхъ явленіяхъ природы, или въ послѣдствіяхъ и концѣ происшествія, которое сначала кажется просто случаемъ, или сцепленіемъ обстоятельствъ; тако чертежъ сея войны безпримѣрныя, составленный съ величайшимъ искусствомъ, и до конца сохраненный, прежде, можетъ быть, являлся для многихъ непостижимымъ, но послѣ оправдалъ себя совершенно блистательными успѣхами, которые предусматривала единая прозорливость Великаго Отца Отечества.

Въ чемъ состоитъ совершенство чертежа? — Въ важности цѣли высокой и благотворной, въ единствѣ и выборѣ способовъ надежнѣйшихъ и легчайшихъ. — Для сего потребно предварительно строжайшее обозрѣніе обстоятельствъ, мѣстъ и времени, точное и ясное знаніе силъ непріятеля и силъ своихъ собственныхъ. -- Успѣхъ предпріятія зависитъ сверхъ того отъ характеровъ лицъ дѣйствующихъ, отъ образа ихъ мыслей, намѣреній, отъ образа дѣйствія. — Переговоры Тильзита и Эрфурта могли обольщать надеждами Европу, работой Египетской новаго Фараона уже изнуренную; но таинственный въ поведеніи своемъ АЛЕКСАНДРЪ взиралъ на нихъ иначе; — это видно изъ того, что Онъ съ сего самаго времени занимался уже единственно пріуготовленіемъ и устроеніемъ Своего воинства, и среди міра дѣйствовалъ уже какъ среди брани. Арміи Россійскія двигнуты къ границамъ и расположены по необъятному ихъ пространству на Западѣ, но съ видами непріязненными, не для занятія градовъ чуждыхъ, не для распространенія предѣловъ: нѣтъ! единственно для подкрѣпленія договоровъ, еще продолжающихся, токмо для наблюденія за воинствомъ коварнаго врага, которое безпрестанно возрастало и двигалось, какъ нѣкій огромный змій, въ оборотахъ сомнительныхъ. — И такъ планъ войны оборонительной, предпринятый Россіею, былъ планъ высокой мудрости и совершенно соотвѣтствовалъ характеру Великаго, Котораго нѣжное сердце до послѣд-

жей необходимости мечтало о мирѣ, и изрекло наконецъ въ крушеніи своемъ: *на нападающаго Богъ*! — Ожесточился надмевающійся безумецъ, и вторгнулся въ Россію. — Мыслилъ онъ, что силы наши съ одной стороны, по обширности границъ растянутыя, съ другой бранію противу Турціи и Персіи раздѣленныя, изнемогутъ и падутъ предъ лицемъ его. — Ты, праведное Небо, Ты Вселенная, были негодующими свидѣтелями его презорства и наглости, нашей справедливости и кротости. . . Но чтожъ содѣлала предусмотрительная мудрость ЦАРЯ Россійскаго? -- Агаряне, коварствомъ Тирана воспламененные, судьбою брани наказанные, просятъ мира на брегахъ Дуная, даровавшаго нѣкогда славное имя Задунайскимъ и безсмертіе Рѣпнинымъ, Суворовымъ и Смоленскимъ; та же мудрость, въ самое нужное время, пріобрѣла въ Швеціи друга, отдавшаго намъ родное свое море съ неодолимыми крѣпостями, озерами лѣсистой Финляндіи; полудикая Персія оставляетъ въ покоѣ усыновленныхъ нами чадъ Грузіи, и великая рать противъ единаго общаго врага собравшаяся, никогда имъ неодоленная, спокойно и величественно отступаетъ. . . О слѣпота! о неистовство алчности и гордости! Влекутся безчисленныя орды Наполеоновы въ пространныя области Россійскія, уже -- безъ хлѣба, запасовъ, безъ сраженія, -- сами собою побѣжденныя. Почто не возсталъ ты отъ гроба дерзновенный герой Свейскій, чтобы вразумить своего послѣдователя! почто безмолвны вы были, Лѣсное и Полтава, дабы заранѣе предвозвѣстить гибель новому Карлу! — Богъ, опредѣлившій его конецъ, запечаталъ уста ваши, отъялъ умъ гордаго, да погрузитъ его въ посрамленіе. — Отступаютъ Россіяне — и, стесняются ближе и ближе, какъ облака, лѣтнимъ жаромъ стѣсненныя, сливаются въ одну громовую тучу. — Не видите ли, ПП. СС.! не видите ли перста небесной мудрости, явно во всемъ дѣйствующей? — Храбрость Россійская конечно могла бы долго останавливать неистовство врага на границахъ; но продолжительная война сія не

отдѣлявшая его отъ своихъ земель, и богатая способами къ продовольствію, надолго бы сохранила его силы; пріобрѣтенъ бы былъ миръ, но не наказанъ тиранъ; не свергнуто бы было иго Европы, но паче на ней отяготѣло, и не совершилсябъ судъ Божій. — Должно было вовлещи кровожаднаго тигра въ мѣсто ловитвы его; — должно было отсѣчь всѣ главы у дракона многозевнаго; — должно было драгоцѣннѣйшимъ пожертвовать пользѣ всего человѣчества; ибо инаго спасенія для него не обрѣталось. — Отступающій Россъ былъ грозенъ, ужасенъ и гибеленъ врагамъ, какъ утекающая буря, знаменующая слѣды свои опустошеніемъ. Наполеонъ токмо притворно предъ обольщенными Французами гордился занятіемъ областей и градовъ; но въ сердцѣ своемъ трепеталъ и мучился неожидаемою для него войною. — Уже родственныя арміи соединились; мстительные когти орла начали сжиматься для растерзанія добычи надъ дымящимися утесами Смоленска, надъ сими холмами, учинившимися первымъ жертвенникомъ всесожженія Отечеству и Отцу его. — Отъ Немана до Смоленска, отъ Смоленска до гремящихъ холмовъ Бородинскихъ — единая рука, единый умъ постоянный, непостижимый для самаго прозорливаго непріятеля дѣйствовалъ! — Тогда разродилась туча, и грянула; — гибель его могла быть неизбѣжна; — но она была бы тогда не рѣшительна для цѣлой Европы. — Не здѣсь опредѣлено мѣсто торжеству любви отечественной. — Я, кажется, вижу ее, кажется, слышу Божественный гласъ ея: — Не здѣсь, не здѣсь совершится мое мщеніе; сими потоками крови не потушенъ еще всеобщій пожаръ раздоровъ, не отмщена еще моя честь, не обезпечено мое спокойствіе. — Тамъ, возлюбленные Россы, гдѣ воспиталась и возрасла я, гдѣ почіютъ тѣни моихъ избранныхъ, тѣни Великихъ Князей, — Царей моихъ, гдѣ Вѣра основала свою обитель, гдѣ моя вѣчная Капитолія, гдѣ прославились мои Пожарскіе и Минины: — тамъ послѣднее мщеніе тирану, тамъ моя

слава! -- тамъ, какъ фениксъ изъ священнаго пепла снова возрожусь я къ безсмертiю. Тако судьбѣ угодно! — Рекла — и дрожащимъ перстомъ указала на златыя главы Москвы бѣлокаменной. — Свитокъ тайны чертежа великаго развился совершенно на поляхъ Тарутинскихъ. — Изъ облака, облегшаго священную Ниневію, непроницаемаго для взора враговъ обезумѣвшихъ, грянулъ Архистратигъ, стражъ новаго Капуанскаго Ганнибала, и содрогнулся онъ въ плѣну своемъ. Гладный, безсильный, изможденный, посрамленный, уже слышитъ онъ мечь окрестъ ребръ своихъ, уже обоняетъ онъ хладное дыханіе невидимыя смерти, къ нему прикасающейся, бѣжитъ — и обращаетъ слезящіе отъ злобы взоры свои на сіи стѣны, на сіи кучи камней, во слѣдъ его вопіющіе. Не бѣгутъ ли они? не гонятъ ли они его? не разятъ ли сего святотатца и зажигателя? . . . . Такъ ему кажется. . . . . . . Нѣтъ! онъ тогда уже видѣлъ гораздо болѣе . . . . . онъ видѣлъ, ПП. СС.! изъ священнаго пепла, на гласъ АЛЕКСАНДРОВЪ, воздымающуюся Москву, въ лѣпотѣ жены Божественной, гнѣвную, окруженную бурями, хладомъ и зимою лютою . . . . Онъ видѣлъ, какъ она, подъятая Божествомъ мщенія, не обративъ и взгляда на бѣглеца ничтожнаго, изрекла во услышаніе міра: *воскресни Европа униженная!* — и грозную руку свою положила на темя Парижа! И подъ сею рукою пролилась огненная, гибельная для Наполеона лава, воспламенившая утесы Малоярославца, волшебные лѣса Краснаго, храбрыя души Боруссовъ, поля Люценскія; — растопившая стѣны Дрездена, граниты Кульмскіе и несогласія Австріи; — разлившаяся наконецъ во всей своей силѣ на поляхъ Лейпцигскихъ, гдѣ сожжены во тлѣнъ оковы Германіи, рабство и крамолы, — возращено древо всемірной свободы, и прозябли паки лиліи Франціи. — Тако совершился великій, единый планъ, предначертанный горнимъ духомъ, вѣщавшимъ пророчески: *Дотолѣ не положу оружія, доколѣ не истреблю врага всемірнаго.* Крат-

кость времени, вмѣстившая сіи вѣковыя происшествія, дивный ходъ ихъ, осторожность и искусство обращенія съ разнородными, развращенными уже племенами, отъ заблужденія, столь чудесно къ благоразумію, къ чести своей возвращенными, — наконецъ, не столько дивныя побѣды, сколько быстрое соединеніе цѣлой Европы на защиту общаго дѣла, единымъ Умомъ произведенное, — есть безъ сомнѣнія чудо мудрости, которому едва ли будетъ вѣрить наше позднѣйшее потомство.

Великъ безъ сомнѣнія, ПП. СС.! мужъ, творческою мудростію исполненный, который начертываетъ во благо и назиданіе человѣчества обширныя и промыслительные планы; но гораздо болѣе конечно тотъ, который умѣетъ совершить предположенное съ вожделеннымъ успѣхомъ. Рѣдко весьма рѣдко сіи два свойства безцѣнныя вмѣщаются въ единомъ человѣкѣ. — Кажется, онѣ исключительно принадлежатъ Богу предвѣчному, Который *помыслилъ, и создашеся Его помышленіе.* — Смертный во всѣхъ дѣлахъ своихъ окруженъ врагами непримиримыми, и вопервыхъ своими слабостями и страстями, то удерживающими, то извращающими истинные пути его; — люди, завистію, или собственными выгодами увлеченные, земля, море, всѣ стихіи — съ нимъ воютъ, все ему противоборствуетъ; — и для того часто принужденъ онъ бываетъ отъ возлюбленной меты своей отдѣляться половиною неба и болѣе нежели половиною своей жизни, безпрерывными трудами изнуренной, и только надеждою будущаго исполненія питаемой. Увы! — сколь много и таковыхъ, которые не достигнувъ своей цѣли, пресѣкали свое путешествіе неожиданною смертію! Какія же свойства духа укрѣпляютъ ратующаго на океанѣ сей жизни треволненной и превратной? — Мужественная твердость духа и трудолюбивое терпѣніе, онѣ суть исполнители благихъ намѣреній мудрости; безъ нихъ мертво

благочестіе, шатки стопы вѣры, безплодно благоразуміе, правота ненадежна, храбрость опрометчива и гибельна; въ ихъ рукахъ вѣнецъ побѣды, во времени и вѣчности, между человѣками и предъ Богомъ, на земли и на небесахъ; онѣ суть преимущественно блистательныя отличія Великаго **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.** Представилъ бы я здѣсь каждой день, каждой часъ славнаго Его царствованія, отъ щастливѣйшаго для насъ мгновенія, въ которое украсилъ Онъ Собою Престолъ Всероссійскій до сего вѣчнопамятнаго времени, дабы показать Вамъ, что всѣ дѣла внутреннія и внѣшнія, всѣ Учрежденія, Указы **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА**, по всѣмъ частямъ правленія ознаменованы печатію единаго ума, твердо правиламъ, единожды избраннымъ повинующагося, и всѣ препоны терпѣливо и мужественно побѣждающаго; — описалъ бы я Вамъ примѣрную, снисходительную даже вѣрность Его къ Высокимъ Союзникамъ, толико кратъ не возмогшимъ исполнить обѣтовъ, предъ священнымъ олтаремъ правоты изреченныхъ; описалъ бы Вамъ всѣ козни, коварства, притязанія врага лютаго, явно дружественнаго, тайно враждующаго, желающаго вызвать Его на брань со всею Европою; но тѣсны предѣлы слова моего для вмѣщенія безчисленныхъ дѣйствій, твердаго, мужественнаго, терпѣливаго Его духа! — Возвращаюсь къ одной настоящей брани. Въ грозные часы опасности всеобщей — сталъ Онъ посредѣ возлюбленнаго, вѣрнаго града Своего, или паче, сокрылся въ сердце Своего Отечества, готовый на всѣ труды и пожертвованія. — Уже всѣ Державы Европы, измѣнивъ святой правдѣ, въ безмолвіи, ожидаютъ минуты, въ которую должна погибнуть Россія: — Онъ токмо сожалѣетъ объ ихъ заблужденіи, и пребываетъ вѣренъ Самому Себѣ; — всѣ окружающіе Его въ смущеніи, печали, нерѣшимости: — Онъ проповѣдуетъ имъ о славѣ Отечества. — Уже разлившееся море геэнны поглощаетъ обильныя области Его владычества: — поселяне и граждане бѣ-

гутъ, грады, вѣси пылаютъ, житницы и нивы, потовой трудъ года, разорены и потоптаны конями чуждыми; вопли нещастныхъ доходятъ до слуха Его: — Онъ скрываетъ болѣзнь въ Своемъ сердцѣ, и ободряетъ сѣтующихъ. Уже враги въ Смоленскѣ; Величественный, не мысля о продерзскихъ, подъемлетъ руку даже до неба, и простираетъ ее въ знакъ мира, чрезъ всю униженную Европу, на брега древней Атлантиды, къ народамъ твердымъ и мужественнымъ, все принесшимъ на алтарь своего Отечества, симъ первымъ карателямъ алчности супостатовъ. — Наполеонъ, приближаясь къ древней Столицѣ, уже мечтаетъ завоевать вмѣстѣ съ нею цѣлую Россію: — ГОСУДАРЬ Россійскій въ Великихъ Лукахъ спокойно заключаетъ трактатъ съ Фердинандомъ VII, заточеннымъ въ Парижскихъ темницахъ, и означаетъ время, въ которое изведетъ Онъ его изъ мрака неволи. . . О чудо Промысла, мужества и терпѣнія! — Ты наконецъ будь вѣчнымъ проповѣдателемъ сихъ великихъ доблестей ГОСУДАРЕВЫХЪ, ты, великая жертва Отечества, Москва знаменитая! . . . — Ты, священнымъ пламенемъ любви къ Нему истлѣвшая, и нынѣ паки, подобно безсмертному фениксу, изъ пепла своего въ новой лѣпотѣ возникающая! Ты оправданіе и крѣпость наша, Москва благословенная! — Присно памятно будетъ время сіе для сыновъ Россійскихъ, не горесть, но сладостное благоговѣйное умиленіе возбуждающее! Уже непостижимый Богъ въ пожарахъ Бородинскихъ изрекъ жребій священной Столицы. — Храбрые сыны Россійскіе, порывавшіеся лечь костьми подъ ея развалинами, но укрѣпленные гласомъ опыта, покорные необходимости, въ мрачномъ безмолвіи, въ оцѣпенѣломъ недоумѣніи протекаютъ по любезнымъ стогнамъ; — исходятъ изъ вратъ ея, и въ послѣдній разъ обращаютъ взоръ свой на любезное вмѣстилище младенческихъ своихъ колыбелей, на обитель своего воспитанія, своихъ удовольствій, на мѣсто гробовъ родительскихъ. — Уже гладныя,

дрожащія, неистовыя стаи Гарпій вторгаются по слѣдамъ ихъ во градъ опустѣлый. — Тогда-то, въ сію минуту испытанія, является въ лучезарномъ блескѣ все величіе души АЛЕКСАНДРОВОЙ. — Какъ нѣжный родитель, которому грозная судьба положила на выборъ или потерять покой и свободу возлюбленнаго семейства своего, или, за сохраненіе всѣхъ, пожертвовать любезнѣйшимъ для него чадомъ, красотою дому его, веселіемъ сердца его, вѣрнѣйшею опорою его старости; услышавъ строгій приговоръ сей, пронзается горестію: онъ не можетъ рѣшиться, колеблется въ первый разъ, безмолвствуетъ, — единыя слезы составляютъ отвѣтъ его: всѣ чада милы, всѣ чада его сердца! Но жертва! . . . Ахъ! . . . . Онъ охотно предлагаетъ самаго себя за все безцѣнное семейство свое; — но судьбы не соизволяютъ; но кровные требуютъ еще его управы, оплота, руководства. — Что сотворитъ онъ? — Рѣшился! Слезящій и безмолвный, исполненный Бога, — онъ отвращаетъ лице, и дрожащимъ перстомъ указуетъ злодѣямъ обрѣченную, милую жертву. Таковы были чувствованія Великаго, Нѣжнѣйшаго, Благотворительнаго Отца Отечества, по услышаніи вѣсти о преднамѣреваемомъ уступленіи первопрестольнаго града Его. Поколебался Онъ, но не изнемогъ духомъ. Ангелъ мудрости сталъ окрестъ Престола Его, укрѣпляяй. Минута дивная, Божественная! . . . Одна минута сія, въ которую Онъ лишеніемъ Москвы не отчаялся объ Отечествѣ, одна минута сія — говорю — вмѣщаетъ въ себѣ безсмертіе! — Приближаются послы иноплеменные съ предложеніемъ мира: — „да не падетъ на главу Москвы сіе безчестіе!“ изрекъ Онъ, и отвергнулъ его. . . . Воспылали пожары, разлились хищенія, убивства; Онъ утѣшаетъ слабыхъ, и собираетъ новыя войска для брани, какъ бы вновь начинающейся! — Дерзновенный супостатъ, упоенный своимъ щастіемъ, исполненный гордыни, забываетъ себя, и слабѣетъ. Онъ, равный въ щастіи и нещастіи, надежный на Бога и любовь

Своего народа, безтрепетно и неутомимо дѣйствуетъ, какъ бы брань была внѣ Отечества. Безпримѣрное мужество, безпримѣрное терпѣніе! Но скажутъ: сія чудесная сверхъ-естественная сила духа подкрѣпляема была твердостію духа народнаго; — на ней опершись, АЛЕКСАНДРЪ дѣйствовалъ. — Несправедливые! но развѣ не могъ Онъ заключить мира въ Москвѣ, болѣзнуя о страждущемъ народѣ? Но кто подкрѣплялъ Его, руководствовалъ Имъ за предѣлами Отечества? Ослѣпился ли Онъ щастіемъ Своего оружія послѣ сраженій при Красномъ и при Березинѣ? — по изгнаніи врага, изнемогъ ли Онъ сердцемъ, и отложилъ ли мечь Свой, не достигнувъ великой цѣли избавленія вселенной? Кто удержалъ Его твердость противъ шатающейся политики Австрійской, — противъ крамолъ союзниковъ Европейскихъ, которыхъ преодолѣлъ Онъ не воинствами, не искусствомъ Полководцевъ, но личнымъ Своимъ мужествомъ, терпѣніемъ, умѣренностію! . . . . Оскорбилъ бы я славу ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, если бы дерзнулъ изрещи, что Онъ имѣлъ въ Наполеонѣ соперника на поприщѣ брани: — это было бы хуленіе противъ священнаго и великаго имени: нѣтъ! -- Онъ былъ не завоеватель, но врачь, изцѣляющій ужаснымъ недугомъ пораженную Европу . . . и сіе спасительное, небесное врачеваніе -- были личныя Его добродѣтели, уснувшихъ пробудившія, буіихъ вразумившія, укрѣпившія слабыхъ, просвѣтившія заблудшихъ, и предходящія мужественнымъ и сильнымъ. — Какое величественное зрѣлище представляли вы, безсмертныя поля Лейпцигскія, рѣшившія судьбу вселенной, поля суда, казни и мира прочнаго! поля свободы и славы, поля царственныя, поля Іосафатовы! — Перенеситесь, перенеситесь со мною, ПП. СС.! на крылахъ мыслей Вашихъ въ сіи грозныя долины, въ сіи рѣшительныя минуты! — Или паче, представьте имѣющійся нѣкогда пріити судъ Божій, склубившіяся въ дымъ и пламень небеса, горящую огнями внутренними землю, ревущія стихіи,

кипящій хаосъ, подъ стопами нисходящаго Судіи Неумытнаго, окруженнаго ликами избранныхъ Своихъ, одѣяннаго среди мрака свѣтомъ неприступнымъ, немерцающимъ! — Вотъ изображеніе страшной битвы и грознаго величія АЛЕКСАНДРОВА! — — Лейпцигскія долины! вы вмѣщали въ себѣ не 500 тысячь воиновъ, всю Европу, всю вселенную, сдвигнувшуюся, стѣснившуюся въ кругъ единый, на судъ послѣдній, предъ Вождемъ Царей, разрѣшающимъ прю народовъ, низлагающимъ ихъ оковы. . . . Тысячи мѣдныхъ жерлъ громовыхъ, потрясавшихъ цѣлые три дни глубоко, глубоко сердце земное, будутъ гремѣть отзывами свободы въ безпредѣльную вѣчность! . . . Безчисленные легіоны на васъ подвизавшіеся за святое дѣло — лики Ангеловъ, велѣніемъ Всевышняго, низвергшіе гордаго Денницу. Тріумфы на васъ пріобрѣтенные суть тріумфы Бога и правоты безсмертной. Воззрите, воззрите, СС. ПП.! истинные сыны Россійскіе: Кто Сей посреди холма возвышеннаго на быстромъ конѣ, прекрасный, величественный, благодушный; Кто Сей, изшедый изъ ужасовъ сѣчи убійственной, по манію Коего двигался сей міръ ратующихъ крестоносцевъ, раздѣляющій съ послѣднимъ воиномъ опасности, труды и нужды; Кто Сей болѣе смертнаго, неустрашимый, въ облежаніяхъ смерти хладный и ненавѣтный, какъ Богъ, управляющій доселѣ бурями брани; Кто Сей, предъ Коимъ теперь осклабляющаяся побѣда ведетъ въ оставленной робкимъ супостатомъ градъ 10 народовъ, подъ Его предводительствомъ увѣнчанныхъ лаврами? Чудесное зрѣлище! Царіе земли дружественные и освобожденные окружаютъ Его! — Вѣнценосный сонмъ безмолвствуетъ, какъ сонмъ Архистратиговъ въ присутствіи Божества своего! . . . Единый отверзъ уста . . . . и гласъ Его: творите побѣжденнымъ правду и милосердіе! . . . . Восхищенные Цари, первые съ непокровенными главами возносятъ гласъ хваленія; — безчисленныя воинства принимаютъ Его; на трехъ

языкахъ гремятъ клики: *Хвала Великому!* Вселенная не вмѣщаетъ воскликновеній! — Съ очами, исполненными слезъ умилительныхъ, со взоромъ кроткимъ и величественнымъ, подъемлетъ Онъ перстъ Свой на небо, и безмолвствуетъ. Кто Сей толико освящающій побѣду? Кто Сей, не враговъ, но и Себя толико преобѣдившій?... Россія! это ЦАРЬ твой! — Почтенные сыны Отечества! это Отецъ вашъ! — Возлюбленныя Науки! это Покровитель вашъ! — Вѣра, Законы, Свобода! это вашъ Защитникъ и Возстановитель! — Что чувствовали мы въ сію минуту, восхищенные вѣстію толико сладостною? — Восторгъ небесный упоялъ сердца наши; но онъ преогорчался нѣсколько какою-то благоговѣйною томностію. Въ пирахъ и торжествахъ бесѣдующіе сыны Россійскіе, воспѣвающіе безсмертные подвиги Великаго своего ГОСУДАРЯ, содрагались однако же сердцемъ о томъ, коликимъ Онъ подвергаетъ Себя опасностямъ! Спасенная, торжествующая, возвеличенная Имъ Россія, какъ нѣжная матерь, простирая къ Нему длани, взывала на Западъ: Ты совершаешь великое дѣло въ обезпеченіе моего благоденствія и славы: чувствую, благодарности безконечныя исполненная; но мнѣ всего драгоцѣннѣе собственные дни Твои; нуженъ примѣръ неустрашимости и мужества, дабы произвесть неустрашимыхъ и мужественныхъ; признаю сердечно; будь первымъ изъ Героевъ, но вспомни меня оставленную. — Ты вездѣ торжествуешь, осѣняемый адамантовымъ щитомъ Всевышняго, радуюсь; но радость моя растворяется боязливою, заботливою любовію нѣжнѣйшей матери. — Давно ли еще потряслись ужасомъ гранитные утесы Кульмскіе, когда роковое ядро сразило предстоявшаго Тебѣ Мужа опыта и мудрости, Мужа, правотою Твоею на защиту его отечества воззваннаго съ бреговъ Американскихъ, и падшаго въ первой битвѣ предъ очами обожаемаго имъ МОНАРХА? Страшный ударъ сей, столь близко пролетѣвшій мимо вѣнчанныя главы Твоей, глубоко, глубоко раздался въ моей груди,

и обложилъ сердце мое хладомъ трепета. — Сколько другихъ случаевъ, гдѣ подвергалъ Ты подъ косу смерти драгоцѣнную жизнь Свою ради моего спасенія! Ты часто посредѣ чуждыхъ и коварныхъ, Ты не на лонѣ моемъ матернемъ: храни Себя, Избавитель мой! — Даруй мнѣ болѣе нежели слава, чрезъ Тебя меня возвеличившая, болѣе нежели покой, мнѣ Тобою возвращенной, болѣе нежели санъ, пріобрѣтенной мною чрезъ Тебя въ совѣтѣ Царей Европы, — даруй мнѣ Самаго Себя здрава и благоденствениа въ несчетные вѣки! Кромѣ сего не имѣю молитвъ ко Всевышнему. . . . Такъ чувствовала Россія, такъ чувствовали всѣ мы, провождая Мужественнаго, Твердаго, Неустрашимаго Героя нашего въ безмѣрномъ Его поприщѣ, слѣдуя каждое мгновеніе за Нимъ нашими мыслями, желаніями, молитвами, восхищенными и умиленными сердцами нашими.

Гармонія, животворное слово, душа и жизнь міра вещественнаго и нравственнаго, есть то всесильное средство Бога, которымъ привелъ Онъ небытіе въ бытіе, и которымъ сохраняетъ его существованіе. — Она основывается на точномъ и вѣрномъ соблюденіи взаимныхъ правъ и отношеній каждой вещи, одушевленной и неодушевленной. — Въ вещественномъ мірѣ нарицается она — устройство, порядокъ; въ духовномъ — правота. Какъ Всевышній Творецъ міра единымъ словомъ низпослалъ порядокъ и устройство въ ничтожество и — оживилъ его; тако АЛЕКСАНДРЪ, днешній творецъ политическаго міра, облекшись правотою, Ангелъ — ношашеся верху бездны, надъ хаосомъ треволненной Европы, раздѣлилъ стихіи, свѣтъ борящійся со тьмою, развратъ съ добродѣтелію, вражду съ согласіемъ, безпорядокъ съ гармоніею, и рече: да будетъ міръ — и бысть! — Въ самомъ дѣлѣ, Почтеннѣйшіе Слушатели! *правота* есть основа, сила, мѣра и царица, какъ гласили древніе, всѣхъ вѣнценосныхъ добродѣтелей, и ею-то сопровож-

даемый, изшелъ нашъ Благословенный Витязь на поприще, яко лучезарное солнце, изъ вратъ Востока своего исходящее въ путь небесный. — Правота Его была всесожигающимъ, укорительнымъ зерцаломъ для коварства, лести и притворства врага злобнаго; правота Его была щитомъ алмазнымъ противъ меча открытой брани; правота Его была послѣднею, единственною надеждою и утѣхою Царей, еще дышущихъ благородною свободою, еще не склонившихъ выи своихъ подъ иго рабственное; правота Его утѣшала еще свободу при послѣднемъ ея издыханіи, укрѣпляла права собственности, уже полуокованныя, одушевляла вѣру, законы, науки, уже почти изгнаныя; правота Его, такъ сказать, стояла, какъ послѣдній врачь у возглавія Европы. — Разберите ходъ произшествій прежде бывшихъ. Первые четыре союза противъ врага, безпрестанно возроставшаго, начинаемы были не въ нашемъ Кабинетѣ. Токмо по связи и отношеніямъ нашимъ съ Державами Европейскими, принимали мы въ нихъ участіе и, къ сожалѣнію, не всегда были достойно вознаграждаемы. — Кровь лилась отъ одного конца Европы до другаго; коварное перо ратовало, и вожделѣнный конецъ брани, — свобода и спокойствіе, удалялись болѣе и болѣе отъ предѣловъ просвѣщеннѣйшей части Свѣта. — Злоухищренный непріятель столько посѣялъ вражды и междоусобія въ Державахъ Европейскихъ, что не было ни одного союза, который бы начавшись, кончился успѣшно, или къ общей пользѣ; не было ни одного уже правительства, которое обладалобы довѣренностію Союзниковъ: корысть царствовала и раздѣляла тайнымъ служителямъ своимъ награбленныя сокровища; раздоры умерщвляли въ зачатіи всякую добрую мысль и доброе чувство; свинцовый покровъ тиранніи подавлялъ послѣдніе остатки благородства, просвѣщенія и чести, распростершись отъ Гибралтара до краевъ Калабріи. — Уже гордая нѣкогда Европа не видѣла столпа, на которой бы могла она опереться; не видѣла руки,

которая воздвигнула бы ее отъ униженія; не видѣла друга, съ которымъ могла бы сѣтовать о своихъ бѣдствіяхъ откровенно и дружественно. . . Неблагодарная, обольщенная, нещастная! — Но кто укротилъ онаго страшнаго Свейскаго льва, рыставшаго по полямъ твоимъ? кто связалъ крыла быстраго, неустрашимаго Фридерика II, парившаго съ побѣдою отъ предѣловъ Рейна до Венгріи? Но кто удерживалъ ярость дикихъ сыновъ Магомета, преобладающихъ лучшимъ краемъ просвѣщенной Европы, и дерзающихъ въ невѣжественномъ своемъ ничтожествѣ стоять на ряду съ образованными народами и дѣйствовать? — Кто воспящалъ, и теперь останавливаетъ сіе злочестія море, могущее разлиться на пагубу всего Христіанства? — ПЕТРЪ, ЕЛИСАВЕТА, ЕКАТЕРИНА, АЛЕКСАНДРЪ! Се твои судіи и примирители чрезъ цѣлое столѣтіе! Не вознестись бы страшному, лютому тирану твоему до сей высоты и силы столь могущественной, если бы прежде искренно и рѣшительно обратилась ты къ правотѣ Государей Россійскихъ! — Богъ восхотѣлъ милосердовать о тебѣ, и ослѣпилъ злодѣя, и обратилъ его на домъ Свой, на домъ правды; АЛЕКСАНДРЪ побѣдилъ, и призвалъ тебя къ союзу, — и невозможное содѣлалось возможнымъ! Недовѣрчивость исчезла; частныя выгоды умолкли; завѣса заблужденія низпала съ очей: толико сильна правота Его и предъ очами развращенныхъ уже народовъ! Всѣ, даже ненавидящіе, познали въ Немъ Судію неумытнаго, Защитника неизмѣннаго, Друга искренняго, единаго во спасеніе оставшагося! Предъ очами АЛЕКСАНДРА сотлѣли мрежи злочестиваго коварства; — слабые и сильные, малые и великіе къ Нему обратились: на Его рамена отеческія возложили судьбу свою, на Его нѣжное сердце — горесть, ихъ убивающую; Его мечу справедливому ввѣрили пресѣченіе своего плѣна; — и необманулись въ сладостныхъ своихъ надеждахъ; ибо довольно было единой вѣры въ безкорыстіе АЛЕКСАНДРА, чтобы сокрушить лукъ непобѣдимаго и одо-

лѣть землю и преисподнюю! — Вѣщаютъ опыты, что гораздо труднѣе сохранить непоколебимо правоту въ щастіи, нежели въ нещастіи; труднѣе — съ друзьями, нежели съ непріятелями; труднѣе — въ силѣ, нежели въ слабости: ибо, какъ щастіе и сила увлекаютъ насъ къ преобладанію и покорству страстямъ, такъ нещастія и собственное чувствованіе слабостей возвращаютъ насъ паки въ самихъ себя, на путь истины; къ друзьямъ мы слѣпы; на враговъ нашихъ всегда обращены зоркія очи; къ первымъ любовь, противу другихъ мщеніе, — часто преклоняютъ вѣсы правосудія. Превыше сихъ, столько смертному свойственныхъ, измѣненій душа АЛЕКСАНДРОВА! — Каковъ являлся Онъ до вторженія Наполеона въ Москву, таковъ послѣ изгнанія его до стѣнъ Парижскихъ: вездѣ равенъ Себѣ единому, вездѣ превосходенъ! — По заключеніи Тильзитскаго мира, не взирая на безпрерывныя нарушенія договора со стороны Французскаго правительства, не измѣнилъ Онъ ни одной чертѣ трактата съ Своей стороны. Будучи въ силахъ и въ правѣ истребить огромные магазины непріятеля, въ Польшѣ заготовленные, и чрезъ то самое остановить его стремленіе, тогда, когда уже обнаружены были его намѣренія противу Россіи, не позволилъ Онъ себѣ сего поступка, оправданія нелишеннаго, дабы сохранить до послѣдней минуты святость договоровъ и не начать первому брани. Но въ самое мирное между первыми Державами время, когда оба Императора, какъ судіи міра, соединялись, по видимому, тѣснѣйшими узами дружбы и согласія, правотою дышущее сердце Его не могло потерпѣть подлаго убивства, омрачившаго Наполеона въ Венсьенскихъ темницахъ. Онъ первый изъ Владыкъ Европы возгремѣлъ во услышаніе противъ ужаснаго злодѣйства; Онъ первый возсталъ за Герцога Олденбургскаго, за выгоды Германіи, Пруссіи, и за всѣхъ притѣсненныхъ. Вѣнценосная Правота! неподвижный камень, на немъ же утверждается наше благополучіе, сила

и твердыня наша! — Ты, и по изгнаніи врага лютаго изъ предѣловъ возлюбленныя Своея Россіи, не обольщаешься блистательными, чудесными успѣхами, дарующими Тебѣ могущество обширнѣйшее, нежели какимъ Наполеонъ обладалъ. — Нѣтъ! Ты первый склоняешься на миръ еще до славныхъ битвъ Люцена и Бауцена, отколѣ въ заревахъ брани и побѣды вознесся на небо Духъ сѣдовласаго Героя Твоего! — Удивились симъ неожиданнымъ чувствованіямъ Владыки земные, удивились и, познавъ великія Твои намѣренія, ко благу ихъ собственному обращенныя, соединили свои знамена съ Твоими. — Ты уже всесиленъ; но хочешь быть справедливымъ. — На берегахъ Рейна, въ Шатильіонѣ, наконецъ подлѣ самыхъ высотъ Монмартра, Ты еще простираешь руку къ коварному тирану. Какое первое Твое дѣйствіе по вшествіи во градъ завоеванный? „*Я не вступаюсь въ дѣла Франціи*, изрекъ Ты, *Я не съ нею воюю; но съ тѣмъ, которой былъ врагомъ для нее и для всѣхъ!*" Какая основа главныхъ Твоихъ требованій? какая награда за безпримѣрные Твои подвиги, за избавленіе Твое вселенной? — Одна: да получитъ каждый народъ свое собственное! Какое мщеніе врагамъ Твоимъ и Твоей Россіи? — Отеческое охраненіе! — Городъ чуждый пріемлешь Ты подъ Свое покровительство, какъ Свой собственный. — Справедливость ГОСУДАРЯ заставила еще подъ Краснымъ восклицать храбрѣйшихъ военачальниковъ непріятельскихъ: „Нѣтъ болѣе чести, какъ служить подъ знаменами ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго!" — Сія правота въ жесточайшую бурю Лейпцигской битвы побудила цѣлые легіоны Баварскіе, Польскіе и Саксонскіе стать въ ряды Союзниковъ, и ратовать противу того, за котораго ратовали минутою прежде! — Огни измѣняютъ свое направленіе, и рабское оружіе варвара, по гласу Праведнаго, чудеснымъ нѣкіимъ образомъ вонзается въ собственныя его ребра. Преклони съ высотъ небесныхъ пресвѣтлые очи Твои, Великій

ПЕТРЪ, Образователь и Устроитель Россіи! преклони, и воззри на великаго Правнука Своего, великія намѣренія Твои совершившаго, святыя мечтанія Твои превысившаго! — Какъ нѣкогда Ты принималъ побѣжденныхъ Полководцовъ Шведскихъ къ торжественнымъ Своимъ пиршествамъ, и, возвративъ имъ почести, признавалъ ихъ храбрость, благоразуміе и мужество: такъ нынѣ Мудрый АЛЕКСАНДРЪ Твой въ побѣжденномъ градѣ бесѣдуетъ милостиво съ Полководцами страшнѣйшаго врага Своего, и отдаетъ имъ должную справедливость; какъ Судія и Благотворитель, выслушиваетъ и разрѣшаетъ просьбы; какъ частной гражданинъ, обозрѣваетъ знаменитыя святилища Наукъ и Искусствъ, утѣшаетъ нещастныхъ, укрѣпляетъ ослабѣвшую надежду на потерянное щастіе, щадитъ терзаемый угрызеніями совѣсти развратъ и порокъ, и наконецъ даруетъ Франціи то, что всего болѣе, — законнаго Короля ея. — Но почто приводить еще доказательства правоты ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА? — Вся Европа побѣждена ею во спасеніе; Россія благоденствуетъ ею. — Ни богатый великими именами Римъ, ни Греція, толико знаменитая блистательными качествами духа и сердца, ни древній, ни новый міръ не представляютъ столь многихъ высокихъ добродѣтелей, соединенныхъ и управляемыхъ божественною правотою и умѣренностію!

Сіи царственныя добродѣтели, твердое основаніе Престоловъ и огражденіе Царствъ, могущественнѣйшее, нежели мышцы сильныя и мечи булатные, — сіи начала внутренняго благосостоянія народнаго, украшаются другими любезнѣйшими, составляющими, такъ сказать, ихъ облаченіе, составляющими утѣху нещастнаго, врачеваніе страждущаго, радость друзей и подчиненныхъ, красоту и прелесть величія, легкую, нѣжную тѣнь въ блистаніи знаменитости, сладостное раствореніе строгаго правосудія. — Благотворно всеуправляющее міромъ нашимъ свѣтило

небесное; дѣйствія его безчисленны: оно душа устройства и порядка, начало всѣхъ силъ природы; но оно еще для насъ любезнѣе, будучи одѣяно благорастворенною сферою, умѣряющею яркой свѣтъ и жаръ его, сею сферою, каплющею въ росахъ и дождяхъ живоносныхъ. — Тако всѣ высокія добродѣтели особливо привлекательны для слабаго человѣчества, когда облечены будутъ въ кротость, милосердіе и великодушіе. — Оныя суть дѣти духа великаго; сіи чада сердца, чада любви благословенныя, всѣмъ жертвующей, себя не щадящей, для другихъ живущей. — Оныя изобрѣтаютъ, судятъ и рѣшатъ; сіи благодѣтельствуютъ, милуютъ врачуютъ, услаждаютъ, прощаютъ! — Прелестнѣйшее, благоуханное украшеніе порфиръ! садъ въ Едемѣ насажденный! цвѣты райскіе! добродѣтели милыя! питательной, неизтощаемой предметъ стихотворцовъ и витій! — Но много бы погрѣшилъ я предъ Вами, Почтеннѣйшіе Слушатели! если бы осмѣлился говорить подробно, сколь обильно сіяютъ сіи добродѣтели въ лицѣ АЛЕКСАНДРА Кроткаго! — . . . . . Сердца Ваши, упоенныя Его щедротами, предупредили бы меня въ хваленіяхъ и благодарности! — Какъ говорить о томъ, что каждой изъ Васъ ежедневно, ежечасно, повсюду видитъ, слышитъ, ощущаетъ; въ чемъ Вы четырнадцать лѣтъ увѣрены, убѣждены, какъ въ собственномъ бытіи своемъ; о чемъ говорятъ, не только люди, но и камни глаголютъ, и горы и стѣны, и стогны градовъ нещастныхъ возвѣщаютъ отъ одного края Европы до другаго, и всѣ рѣки великія шумятъ во услышаніе: *АЛЕКСАНДРЪ Кроткій, АЛЕКСАНДРЪ Милосердый, АЛЕКСАНДРЪ Великодушный!* — Должно ли вѣщать объ Его отеческомъ, попечительномъ вниманіи къ страждущимъ, къ немощнымъ, раненымъ, кровь свою за Отечество пролившимъ? — Самое первое движеніе сердца Его по восшествіи на Престолъ Всероссійскій было прощеніе многихъ невольно, или отъ слабости преступныхъ. Свидѣтельствуюсь всею Россіею, всѣ-

ми Вами, ПП. СС., что ни въ одно Царствованіе великихъ, всегда благотворительныхъ нашихъ Государей, не были открыты Заслугѣ и Достоинству пути столь кратчайшіе и столь блистательные, никогда не срѣтали ихъ награды столь щедрыя, ободренія столько лестныя, оживляющія и благородныя, какъ при славно - Царствующемъ ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ; — ни при одномъ Государѣ не возникало столько мудрыхъ, спасительныхъ учрежденій для призрѣнія болѣзненнаго человѣчества; ни при одномъ не употреблено столько иждивенія для успокоенія нищеты, сиротства, для образованія юношества, распространенія наукъ и искусствъ и ободренія Ученыхъ! — И все сіе — когда же? — Въ то время, когда на всѣхъ почти границахъ Россіи свирѣпствовала буря брани! О чудо! — громы Отечества потрясаютъ Сѣверъ, Югъ и Западъ: — въ нѣдрахъ его спокойно стучатъ млатъ и сѣкира, спокойно дѣйствуютъ рѣзецъ и кисть, при веселыхъ пѣсняхъ каменосѣчцевъ и древодѣловъ, воздвигающихъ великолѣпныя зданія, долженствующія украшать и возвеличивать обѣ Столицы. — Скажутъ, что многія изъ сихъ зданій воздвигнуты Особами частными, друзьями человѣчества; но кто же произвелъ, воспламенилъ сей общественный духъ благотворенія, какъ не благотворный духъ ГОСУДАРЯ, при Которомъ, такъ сказать, всѣ граждане, изъ всѣхъ сословій, по невольному нѣкоему влеченію, претворялись въ Мининыхъ, Пожарскихъ, Голицыныхъ, Шереметьевыхъ, Демидовыхъ; при Которомъ пожертвованіе сдѣлалось святою, любезною потребностію каждаго сердца; любовь къ просвѣщенію — всеобщею гордостію; служеніе Отечеству — всеобщимъ желаніемъ и жизнію душъ благородныхъ! Справедливый Историкъ речетъ потомству, въ доказательство милосердія ГОСУДАРЯ, только сіе: при Немъ, всѣ были милосерды, всѣ благотворительны, всѣ друзья страждущаго человѣчества! — При Немъ Россы были велики, почтенны

отъ одного конца Европы до другаго! . . . . Но развѣ токмо Россія была предметомъ Его благости и милосердія? — Великій ГОСУДАРЬ содѣлалъ невозможное, божественное! — Самые ужасы лютой брани, самыя кровопролитнѣйшія сѣчи съ врагомъ непримиримымъ, гдѣ жестокость становится долгомъ, гдѣ мертвая холодность — блистательное достоинство, гдѣ всякое нѣжное чувство — слабость преступная, — сіи брани свидѣтельствуютъ, какъ Онъ, даже въ праведныхъ караніяхъ Своихъ, въ самыхъ порывахъ мщенія, возмогъ быть посредѣ человѣковъ человѣкомъ; какъ Онъ, при всякомъ случаѣ, удерживалъ поражающій мечь; какъ Онъ щадилъ кровь даже непріятелей, пекся о врачеваніи, продовольствіи и спокойствіи не Своихъ токмо, но и чуждыхъ раненыхъ, которыхъ тиранъ неистовый оставлялъ безъ всякаго призрѣнія; какъ Онъ собственными скиптродержавными руками перевязывалъ ихъ раны и оживлялъ умирающія уста ихъ Царственнымъ Своимъ дыханіемъ. — Воззрите, ПП. ИП., на Его обращеніе съ подданными, небесной кротости преисполненное! — Оставивъ блескъ Владыкамъ земли свойственнаго величія, съ Генералами является Онъ Генералъ, дружественно простирающій руку привѣтствія, и совѣтъ, опытомъ и мудростію вдохновенный; съ Офицерами — Начальникъ, Своимъ примѣромъ законы подчиненности, порядка, согласія утверждающій; съ солдатами — солдатъ, вѣдающій совершенно всѣ ихъ нужды, всѣ потребности, раздѣляющій вмѣстѣ съ ними ихъ простую пищу, походы, хладъ и зной, бури и мятели, утѣшающій воиновъ снисходительнымъ взоромъ, благосклонными разговорами, милостивымъ участіемъ въ ихъ печаляхъ и радостяхъ. Не видѣнъ ГОСУДАРЬ, видѣнъ Отецъ, Другъ и Утѣшитель; но сокрытое величіе тѣмъ сильнѣе блещетъ, чѣмъ менѣе страшитъ и ослѣпляетъ; тогда благоговѣніе подданнаго, ни мало не ослабѣвая, претворяется въ святую любовь и преданность сыновнюю. Вы, жители Польши, Пруссіи, Германіи, Франціи, Англіи, вы соедините съ нами гласы свои въ прослав-

леніе несравненной кротости ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, являющагося всегда вамъ въ образѣ Ангела-Утѣшителя, по особливой Своей нѣжности отвращающаго даже и тѣнь напоминанія о несправедливостяхъ, объ оскорбленіяхъ, вами намъ причиненныхъ! Ты проповѣдуй грозношумящій водопадъ Рейнскій Его кротость! — Въ прохладныхъ туманахъ твоихъ Великій Избавитель Европы, единый съ Августѣйшею Своею Сестрою въ простой хижинѣ, за убогимъ столомъ, взирая на упадающія воды, воздыхалъ о суетномъ величіи Царей надменныхъ, о ведомой Имъ брани, о самыхъ трофеяхъ, хотя праведныхъ и спасительныхъ, но не менѣе тяжкихъ для человѣчества! Такимъ образомъ болящее о народахъ сердце, при безпрестанно пожинаемыхъ лаврахъ, могущихъ во всякомъ возбудить любочестіе, перенесъ Онъ и сохранилъ неизмѣнно до самой столицы Франціи, равно смиренное, равно скромное. — Кажется мнѣ, оглушенная громами съ высотъ Монтмартрскихъ, изнуренная, гладная, окованная, возлежащая на болѣзненномъ одрѣ Франція, не столько своими нещастіями, сколько совѣстію за ея къ намъ несправѣдливости, терзаемая, при вшествіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА пробуждается, подъемлетъ слабую главу свою, и въ сладостномъ недоумѣніи своемъ, простирая къ Нему дрожащія руки, вѣщаетъ: не тѣнь ли Святаго Лудовика снизходитъ съ небесъ, и паки преступленія мои наказуетъ великодушіемъ, благотвореніемъ и милостію? — Кто Ты Божественный, Единственный? — Кто Ты, подобно ему, вмѣсто казни и мщенія меня утѣшающій; долженствующій унизить меня, возставляющій съ одра смертнаго, — имѣющій право требовать отъ меня жертвы — мнѣ жертвующій; — кто Ты великодушный, — вмѣсто оковъ приносящій мнѣ хлѣбъ, миръ и свободу, — вмѣсто тирана Хищника — возвращающій Царя законнаго, — вмѣсто безпорядка — устройство, — вмѣсто безбожія — Вѣру? — Ахъ! Ты даровалъ мнѣ болѣе, нежели Царя и благоденствіе: — Ты Августѣйшимъ при-

мѣромъ Своимъ пробуждаешь заблуждшихся чадъ моихъ, и даруешь имъ забытаго ими Бога! . . . . О стѣны Московскія, какъ славно вы отмщаете! —

Таковыми чувствованіями одушевленная Франція, согласно съ другими Державами Союзными, торжественно именовала ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА *Великодушнымъ*. — Гордые островитяне, сохранившіе столь постоянно праотеческія добродѣтели, возревновали Его благости, когда Онъ возстановленному Королю возхотѣлъ возвратить изъ плѣна 200,000 сыновъ, увлеченныхъ на Сѣверъ всегубящимъ тираномъ, умерщвлявшимъ не однократно цѣлыя поколѣнія. Но почто удивляетесь вы, по истиннѣ великіе сыны Британіи! — Или сіе токмо первое дѣло великодушія Царей Россійскихъ и народа Россійскаго? — Вы его вѣдаете и безпрерывно испытываете съ тѣхъ временъ, когда первый корабль вашъ присталъ ко брегу Архангельска: оно было всегда свойствомъ земли нашей; но въ душѣ АЛЕКСАНДРОВОЙ возблистало въ самой высочайшей степени. — Ради того не буду болѣе распространяться о кротости, милосердіи, великодушіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, какъ о добродѣтеляхъ не единою Россіею, но цѣлою Европою испытанныхъ и оправданныхъ; но къ тебѣ обращаю мое слово, вѣнецъ и красота и слава всѣхъ благихъ дѣлъ, Божественное Благочестіе! Тобою скончаю недостойныя хвалы мои Великому, Благословенному. — Твоя обитель — Россія, — и вся Европа не возмогла одолѣть ее; Твой Престолъ — Престолъ АЛЕКСАНДРА, — и, яко небо, неподвиженъ. — Ты, въ лицѣ Его, царствуешь — и всѣ благоденствуютъ; Ты ополчилось въ Немъ, ты ратовало въ Немъ, да превратишь пороки въ добродѣтели, рабство въ свободу, невѣжество въ истинное просвѣщеніе, попранныя права Царей и народовъ въ неодолимую крѣпость, раздоры въ миръ и согласіе: и Европа обновилась! —

Твоею бронею облекся Великій; твой щитъ въ длани Его; твой мечь о бедрѣ Его; твоя душа, твое благовѣстіе въ душѣ и глаголахъ Его! — И кто постоитъ? — —

Какъ основа семейственнаго благоденствія, утвержденіе добродѣтелей общественныхъ, Благочестіе, имѣя во главу священный страхъ Божій и чистую, пламенную вѣру, заключаетъ въ себѣ сверхъ того сыновнее повиновеніе къ родителямъ и нѣжнѣйшую любовь къ кровнымъ нашимъ. Во всемъ Великій ГОСУДАРЬ подаетъ примѣръ великому народу Своему, въ доказательство, что Благочестіе — первая сила Его и крѣпость. Отецъ Отечества есть нѣжнѣйшій Сынъ въ Своемъ Отечествѣ. Сіе святое сліяніе сердецъ Августѣйшей Матери и Августѣйшаго Сына, сколь благотворительно, питательно, славно для всей Россіи, о томъ говорить не нужно. Въ немъ заключено призрѣніе и жизнь нещастной половины человѣчества; отъ него мудрыя, благодѣтельныя заведенія, которымъ вся просвѣщенная Европа представить ничего подобнаго не можетъ. Давно ли прощались мы съ кроткою, милосердою ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ, призванною сердцемъ, любовію Великаго Своего Друга, Который не могъ утѣшаться сладостно праведными Своими тріумфами, не раздѣляя ихъ съ Нею! — Богомъ началась святая брань, Богомъ и кончилась. — Въ первое мгновеніе по изгнаніи врага изъ предѣловъ Россіи издалъ ГОСУДАРЬ Указъ о воздвиженіи въ Москвѣ Храма Христу-Спасителю, и о составленіи высокой колонны изъ завоеванныхъ орудій во славу и велелѣпіе спасшаго Россію и отмстившаго за нее града. Ни одно великое дѣло, ни одно спасительное желаніе, ни одно чувство не относитъ Благочестивѣйшій ГОСУДАРЬ къ Себѣ, но — къ Богу, Его ведущему и укрѣпляющему, и сіе чувство Ангельскаго смиренія, кажется, хочетъ Онъ сообщить всему Своему побѣдоносному

воинству, начертавъ на знакахъ его отличій: *Не намъ, не намъ, но имени Твоему.* — На брегахъ Рейна Владыки Европы, Имъ освобожденные, Имъ соединенные въ благородный кругъ не рабовъ, но истинныхъ Царей, представили Ему названіе *Великаго!* — *Великъ Единъ Богъ,* отвѣщалъ АЛЕКСАНДРЪ, подъявъ благоговѣйные, слезящіе, сердечной благодарности исполненные взоры свои на небо, — и отвергнулъ сей титулъ, толикократно униженный недостойными. Видѣлъ, видѣлъ новоосвященный Его присутствіемъ Вавилонъ зрѣлище чудесное, для обуявшаго его сердца непостижимое, когда благочестивый ГОСУДАРЬ на стогнѣ его, на сей новой Голгоѳѣ, испившей нѣкогда кровь неповиннаго Царя своего, въ день Святыя Пасхи, преклонилъ колѣна предъ олтаремъ Господнимъ, и съ Нимъ упали на землю 80,000 Героевъ - Христіанъ правовѣрныхъ, Благочестіемъ своимъ побѣдившихъ! Небеса отверзлись! . . . На моленія Благословеннаго призрилъ Всемогущій Царь Царей, и для Него благословилъ въ первый разъ рабу Свою отверженную, Францію; восколебалась радостію земля, очищенная отъ преступленія, и тѣнь убіеннаго Людовика, призванная великодушнымъ АЛЕКСАНДРОМЪ, паки примирилась съ своимъ народомъ. Чудесное событіе! Воскресъ Спаситель міра, и АЛЕКСАНДРОМЪ воскресли Бурбоны!

Въ таковыхъ-то душевныхъ силахъ Великаго АЛЕКСАНДРА заключенная сила Божественная, начертала и совершила безсмертное дѣло избавленія Европы. — Безпримѣрно намѣреніе! несравненна брань! чудесенъ конецъ! — Убоимся и постыдимся, Слушатели Почтенные, сравнивать Героя нашего съ знаменитѣйшими Героями древняго и новаго свѣта! — Всякій часъ, когда я мечталъ о семъ сравненіи, обнималъ меня нѣкій благоговѣйный ужасъ. — Я разбиралъ намѣренія и пути всѣхъ величайшихъ Ге-

роевъ, — и повсюду видѣлъ — одно честолюбіе, страсть преобладанія; здѣсь вижу пожертвованіе Своимъ покоемъ, Своими выгодами для покоя и выгодъ человѣчества, повсюду встрѣчалъ средствами — сребролюбіе и коварство; — здѣсь правота и откровенность постоянная; вездѣ цѣль — собственныя свои тріумфы; — здѣсь отданіе каждому принадлежащаго. Каждая мысль — благо, каждый шагъ — чудо. . . : Въ сихъ священныхъ мечтаніяхъ, кажется, былъ я превыше сего міра, кажется, нѣкою таинственною силою переселился въ тотъ Божественный чертогъ, небесами небесъ отъ насъ отдѣленный, гдѣ непостижимая Премудрость, непостижимое Всемогущество и непостижимая Благость совершаютъ великіе виды, токмо вѣчностію измѣряемые; — гдѣ начало — конецъ, гдѣ намѣреніе — исполненіе; кажется, видѣлъ я Ангела горняго въ лучезарномъ сіяніи, или паче, Самаго Всевышняго, низходящаго на искупленіе Европы, на второе обновленіе человѣчества! . . . Прости, Великій ГОСУДАРЬ, мечтамъ моимъ! онѣ есть плодъ благодарнаго, восторженнаго сердца. . . . Нѣтъ! нѣтъ! не буду мечтать о сравненіяхъ, превышающихъ силы ума моего, и знаю, что не оскорблю Царственнаго Величія, если скажу о исполненномъ мудрости и благости моемъ ГОСУДАРѢ, что великія Его добродѣтели могутъ быть сравнены токмо съ великою и пламенною любовію къ Нему достойнаго Его народа.

Вселенная и вѣки будутъ проповѣдателями чудесныхъ доблестей народа Россійскаго, его неизмѣняемой Вѣры къ Богу и непреоборимой вѣрности къ своему Государю, доказанныхъ въ послѣднюю безпримѣрную брань, не за границами Имперіи, но глубоко въ сердце самаго Отечества внесенную врагомъ свирѣпымъ, который не столько силою оружія, сколько лестію, соблазнами и коварствомъ старался дѣйствовать. — Не токмо противу всѣхъ ухищреній супостатовъ, но противъ мученій нужды, глада и ужа-

совъ смерти устояла Руская твердость. Россіянинъ не укрывалъ въ лѣса, въ вертепы любви своей къ Отечеству; но при заревахъ горящихъ градовъ, посредѣ объятыхъ пламенемъ весей, на родномъ пеплѣ отеческихъ хижинъ своихъ, мстилъ ужасно нечестивому врагу за честь и славу возлюбленнаго своего МОНАРХА. — Тамъ новый Сцевола отрубаетъ собственную свою руку, дабы не могла она служить Царю иноземному; — тамъ простой селянинъ изумляетъ своею мудростію и твердостію надмѣннаго властителя; не проситъ жизни, но смерти, дабы освятить ею клятву свою Престолу Россійскому; — тамъ управляющіе плугомъ и серпомъ — какъ вои храбрые, истребляютъ цѣлыя полчища непріятельскія: — каждой селянинъ — Герой, не велѣніемъ, но собственнымъ своимъ чувствомъ вызванный; каждая весь — станъ военный; каждая хижина земледѣльца — гробъ злодѣевъ. — Не говорю о безчисленныхъ пожертвованіяхъ всѣхъ сословій, чудесно и безпримѣрно оказавшихся въ оба прошедшія ополченія: онѣ по крайней мѣрѣ были слѣдствіемъ законнаго вызова ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на защиту угрожаемаго опасностію Отечества. — Но чей духъ спасительный дѣйствовалъ въ сіи смутныя минуты, въ сихъ простыхъ сердцахъ, когда каждой оставленъ былъ собственному своему произволу? — Кто былъ ихъ предводитель? — Кто ополчилъ ихъ? — Тѣ же добродѣтели — добродѣтели милосердаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, воспламенившія къ нему любовь ихъ неизмѣнную, вѣрность неодолимую, которою, хотя издревле отличался народъ Россійскій, но она еще болѣе подкрѣплена и усилена была Его мудрымъ и справедливымъ царствованіемъ, Его благодѣтельными законами. — Въ ужасное сіе время, Онъ невидимо былъ посредѣ разсѣянныхъ ратующихъ сыновъ Своихъ, Онъ, невидимый, былъ ихъ предводитель, душа всѣхъ ихъ дѣйствій и замысловъ, богъ ихъ; — своего уже не было — все принадлежало Ему; — Его именемъ начинали они каждой подвигъ

въ пользу Отечества; Его именемъ благословляли каждую свою побѣду, Его имени посвящали каждую добычу; съ Его священнымъ именемъ въ сердцѣ и на устахъ умирала каждая жертва Отечества, — и возбуждала въ другихъ сильнѣйшее поревнованіе. Всѣ были щедры, потому, что Онъ Щедрѣйшій и Милосерднѣйшій; всѣ были крѣпки въ Вѣрѣ и православіи, потому, что Онъ былъ Образцомъ Вѣры и православія; всѣ были непоколебимы въ любви къ Отчизнѣ, потому, что Онъ всѣмъ для ней жертвовалъ — покоемъ, здравіемъ, часто и самою жизнію; всѣ были храбры, мужественны, неутомимы, потому, что всегда зрѣли Его впереди, посредѣ самыхъ величайшихъ опасностей. Отселѣ раждалась — оная довѣренность къ Его намѣреніямъ, оная надежда на побѣды, къ торжественной колесницѣ Его прикованныя, сила, крѣпость и терпѣніе, превышающія возможность человѣческую; отселѣ — и сія взаимная довѣренность Его къ доброму, возлюбленному народу, сей безцѣнный, семейственный союзъ между Властію и подданствомъ, между Отцомъ и чадами, на которомъ утверждается прочное благо Царствъ великихъ. — Не грозная, многочисленная стража, не высокія стѣны, не пышные обряды, обыкновенно Владыкъ земныхъ отъ подданныхъ отдѣляющія, ограждаютъ священную Особу ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА: — каждой день, каждой часъ видятъ Его единаго, безъ тѣлохранителей, ходящаго по стогнамъ, обучающаго воиновъ, ободряющаго ремесла, искусства и науки. — Еще представляется умственнымъ очамъ нашимъ оное великолѣпное, и въ сердцахъ тирановъ зависть возбуждающее, зрѣлище, когда ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ шествовать въ древнюю Свою Столицу; оно живо и сладостно пребудетъ для каждаго изъ насъ, ПП. СС., Но что Вы помыслите, когда увѣдаете, что такъ же входилъ великій Побѣдитель и въ чуждые, пріобрѣтаемые оружіемъ Его, грады, также срѣтаемъ былъ народами, которые были за

день до того лютыми врагами славы и имени Рускаго; столь же пламенныя проливались слезы сыновней признательности; тѣ же усердные клики удивленія и радости, такъ же огражденъ Онъ не былъ рядами воиновъ, и въ первой разъ, всякой могъ прикасаться къ коню Его, и лобызать священную Его одежду: сегодня лютая сѣча, наутро ГОСУДАРЬ единый является на стогнахъ Дрезденскихъ и Парижскихъ! — Таково чудесное дѣйствіе добродѣтелей! — Одно воззрѣніе Благочестиваго, одна улыбка ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА были могущественнѣе миліоновъ ратниковъ, предводимыхъ Наполеономъ. При одномъ появленіи пресвѣтлыхъ очей Его, святостію намѣреній, кротостію и милосердіемъ сіяющихъ, лютѣйшіе непріятели наши были уже нашими братьями: всѣ народы Европы, такъ сказать, однимъ народомъ, всѣ Царства одною Россіею, весь міръ сливался въ одно отечество, равно Ему преданное, Его обожающее! И такъ блаженная, великая Р о с с і я! самыми доблестями сыновъ твоихъ, отъ совершенной г и б е л и тебя избавившими, самыми тріумфами, кому одолжена ты? Доблестямъ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ, Его силѣ духа, Его милосердію, Его правосудію, симъ высокимъ качествамъ, которыя столь тѣсно и навсегда соединили Великаго съ Его великимъ народомъ. Несравненный ГОСУДАРЬ! — въ семъ могущественномъ сліяніи миліоновъ, въ сей животворной любви ихъ — заключается вмѣстѣ съ нашимъ щастіемъ и Твоя слава, и Тебѣ благодарность; ибо на землѣ никакой другой награды Тебѣ не обрѣтается.

Такимъ образомъ святая брань окончана; хищникъ низринутъ въ свое ничтожество; Царствамъ возвращены законные Владыки; В л а д ы к а м ъ свобода, народамъ права ихъ; и въ Европѣ утверждается независимость и равновѣсіе. Вскорѣ в е л и к і й Вертоградарь, на время отъ милыхъ

предѣловъ Своихъ отлученный, возвратится на свое село, Имъ очищенное отъ враговъ и плевелъ, огражденное, распространенное, препрославленное! — — Опочіетъ ли Онъ на Своихъ лаврахъ? успокоится ли Онъ отъ дѣла и дѣланія? — Достойно и праведно успокоиться Ему въ любви вашей, знаменитые Сыны Россійскіе! — достойно и праведно опочить Ему, сотворшему миръ въ мірѣ! — Но нѣтъ, ПП. СС., нѣтъ, не дерзнемъ тако мыслить! — Среди бури военной, въ блистаніи тріумфовъ — болѣло Его отеческое сердце о тѣхъ святыхъ занятіяхъ, которыя составляли Его веселіе и щастіе, и съ которыми разлучило Его единственно варварское нашествіе врага лютаго! — Почто удаленъ Я отъ тебя, мыслилъ Онъ, возлюбленное Отечество? — почто не могу Я пещись теперь о внутреннемъ твоемъ благосостояніи? — почто не дѣлю съ вами печалей и радостей, вѣрные мои подданные? — Когда увижу тебя, градъ священной и домъ Великаго Моего Предка? Когда орошу слезами почтенную главу твою, Москва пострадавшая? Когда вложу персты въ раны твои, и излію на нихъ елей врачеванія — богатыя Мои милости, которыхъ толико ты достойна? Когда увижу васъ, Святые храмы Божественныя Вѣры нашей, толико Мнѣ споборавшей, обыму Свои жертвенники, — и на родной землѣ, вознесу жертву благоуханія Всесильному Богу браней и мира, Меня укрѣпляющему? . . . Настань, настань время вожделѣннѣйшее! — Тогда только наслаждусь моими тріумфами, когда увижу Россію — благоденственною? — Тако мыслитъ ГОСУДАРЬ Всемилостивѣйшій, ГОСУДАРЬ, благомъ Своихъ подданныхъ дышущій, для него единаго живущій. Уже ли могъ Онъ внити въ ужасы брани единственно для брани? Уже ли сими тріумфами ограничивались, удовлетворились всѣ желанія Его сердца, всѣ великія Его намѣренія? — Нѣтъ! — виды Его обширнѣе, возвышеннѣе; цѣль Его гораздо далѣе! — Теперь токмо возможетъ Онъ свободно предаться

Божественнымъ Своимъ влеченіямъ! . . . Теперь, аки невѣста въ день брачный, радостно ожидающая жениха Своего, ликуй и красуйся благолѣпная святостію и преподобіемъ, Россійская православная Церковь! — за тебя подвизавшійся Исполинъ течетъ, се течетъ Онъ обратно, съ пальмою въ десницѣ, и возвѣщаетъ тебѣ миръ, и славу! Онъ готовъ облечь тебя въ новую лѣпоту; срѣтай — моленіями и пламенными обѣтами о здравіи и благоденствіи Его и всего Августѣйшаго Дома! . . . Спремитесь, спремитесь во срѣтеніе къ Отцу своему вы, блаженныя Науки, Имъ насажденныя, Имъ благотворимыя! спремитесь въ ликахъ доброгласныхъ, въ звукахъ воскликновенія! — Тиранъ, истребитель просвѣщенія, не умертвилъ васъ, вы изъ пепла возникли, въ громахъ военныхъ не умолкли, въ ужасахъ всеобщаго смятенія не отчаялись о покровительствѣ своего Высокаго Благодѣтеля. Утѣшьтесь и радуйтесь! васъ не забудетъ Тотъ, Который, снявъ пелену невѣжества и заблужденій съ очей угнѣтенныя Европы, паки разрѣшилъ руки окованныя, далъ полетъ уму спутанному, оживилъ нравственность обуявшую! — Вы, столпы царственнаго зданія, правосудіе, порядокъ и устройство, облекитесь въ веселіе! Промыслительная рука Дѣлателя паки близь васъ; уже прикасается, довершить вашу прочность и силу желающая! Торговля, земледѣліе, рукомесла отечественныя торжествуйте! АЛЕКСАНДРЪ и миръ къ вамъ возвращаются, и морскія бездны износятъ сокровища на брега наши, и земля превращается въ тукъ неистощимый, и горы проливаютъ злато, умъ и руки изощряются на пользу общую. — Заслуга, нищета, страданіе, угнѣтенная невинность, ободритесь! Онъ, Спаситель вашъ и Другъ, скоро будетъ съ вами! — Благословенное Отечество! Цари Европы, АЛЕКСАНДРОМЪ облагодѣтельствованные, священнымъ благоговѣніемъ и любовію къ добродѣтелямъ Твоимъ исполненные, простираютъ къ Тебѣ длани мира, дружбы, и — вмѣстѣ поручаютъ Тебѣ судъ свой. — Превоз-

носись великое, безпримѣрное! возстань на трофеяхъ Твоихъ безчисленныхъ, возвысь главу свою до небесъ, простри повелительный перстъ свой отъ одного конца міра до другаго, поучай народы заблудшіе и благодѣтельствуй человѣчеству! — Сладостнѣйшія предчувствія! надежды безцѣнныя! виды Божественные! Чего, чего не можешь ты ожидать, руководимое АЛЕКСАНДРОМЪ, — АЛЕКСАНДРОМЪ, невозможное побѣдившимъ! — Уже вижу тебя — яко море, обильное — яко небо, пресвѣтлое, неподвижное; и дніе Твои — дніе вѣчности! . . . Но я теряюсь въ моихъ восторгахъ! — ПП. ПП.! Вамъ, Вашимъ сердцамъ, сыновней благодарности, пламенныхъ обѣтовъ и ревностнаго усердія къ Великому исполненнымъ, — предоставляю пророчествовать о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ Васъ; — Вашему краснорѣчію, Вашимъ чувствамъ, Вашимъ слезамъ предоставляю докончить мое Слово, и въ сладостномъ умиленіи сердца — умолкаю. . . . —

Краткая Исторія Московскаго Университета съ Іюля мѣсяца 1812 года по 8 е число Іюля 1814 года.

Благодареніе Всемогущему Богу! изчезли уже грозныя тучи брани, и возсіяло ясное солнце мира. Исполнилось чаяніе народовъ. Мужество Августѣйшаго МОНАРХА нашего истребило враговъ нашихъ, а великодушіе ЕГО даровало миръ и спасеніе всей Европѣ. Достойно и праведно величаютъ ТЕБЯ ЦАРІЮ нашъ Избавителемъ народовъ, Возстановителемъ Царей и Царствъ, Спасителемъ самихъ враговъ ТВОИХЪ и Утѣхою рода человѣческаго! Безпримѣрныя и вожделенныя событія! Не успѣли еще умолкнуть торжественныя пѣсни въ честь Побѣдителя Великаго, и се вновь раздаются повсюду громкіе клики благодарности и благословенія кроткому Миродателю.

При таковыхъ радостныхъ происшествіяхъ, возвращающихъ тишину, порядокъ и благоденствіе народамъ; при утѣшительныхъ надеждахъ будущаго не надлежало бы воспоминаніемъ прошедшихъ бѣдствій нашихъ помрачать веселіе настоящаго времени. Но самыя стѣны сіи, чуждыя Московскимъ Музамъ, не умолчали бы о разореніяхъ, злобнымъ врагомъ имъ причиненныхъ, если бы я вопреки долгу званія моего и не упомянулъ о нихъ.

Кому не извѣстно, что великолѣпныя зданія въ сей Столицѣ щедротою Монарховъ для Наукъ воздвигнутыя, представляютъ теперь обгорѣлыя развалины? что собраніе естественныхъ произведеній, одно изъ первѣйшихъ въ Европѣ, залогъ благо-

воленія къ Московскому Университету ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, памятникъ любви къ Наукамъ многихъ объ отечественномъ просвѣщеніи радѣющихъ Особъ; что Библіотека, составлявшая болѣе 20 тысячь книгъ; что отличное собраніе Физическихъ, Астрономическихъ, Химическихъ, Хирургическихъ и Акушерскихъ инструментовъ, необходимыхъ пособій для успѣховъ въ Наукахъ, истреблены и превращены въ пепелъ? Самыя рѣдкія и дорогія только вещи спасены. Гдѣ благодѣтельныя заведенія для юношества, стекавшагося со всѣхъ странъ Россіи обогащать умы свои полезными свѣдѣніями? Гдѣ спасительныя для человѣчества учрежденія, въ которыхъ страждущіе болѣзнями находили свое изцѣленіе? Гдѣ Ученыя Общества, процвѣтавшія въ нѣдрахъ Университета? Непріятелю хотѣлось видѣть мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ; но всѣ замыслы его не исполнились. Полезныя занятія Университета прекратились, учащіе и учащіеся принуждены были искать безопасности въ другихъ мѣстахъ Россіи; но не долго продолжалось таковое бездѣйствіе. Ибо едва только освободилась отъ непріятелей Москва, то и начали Чиновники Университета возвращаться къ своимъ должностямъ, — и самъ ревностнѣйшій споспѣшествователь Наукъ, Г. Попечитель Университета, Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ и Кавалеръ Павелъ Ивановичь Голенищевъ-Кутузовъ прибылъ изъ первыхъ въ Столицу. Немедленно составлена временная Коммисія по всѣмъ частямъ Университета, и открыла свои засѣданія въ началѣ Января мѣсяца 1813 года, по неимѣнію въ разоренныхъ Университетскихъ зданіяхъ способнаго къ тому мѣста, въ домѣ Г. Попечителя.

Члены Коммисіи, вспомоществуемые Начальствомъ, ревностнѣйшее прилагали стараніе, сколько неблагопріятныя обстоятельства позволяли, о поправленіи разрушенныхъ Университетскихъ строеній, о приведеніи въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ и о

скорѣйшемъ открытіи по прежнему ученія. Старанія сіи не были безплодны. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ образовался уже Совѣтъ Университета, а 17 го Августа по обыкновенію открыто ученіе въ трехъ отдѣленіяхъ онаго, для чего нанятъ особый домъ. Спустя нѣсколько времени, открыто ученіе и въ отдѣленіи Врачебныхъ Наукъ въ нарочно для того поправленномъ строеніи Университетскомъ. При семъ случаѣ Деканъ Врачебнаго отдѣленія Орд. Проф. и Кавалеръ Мудровъ читалъ рѣчь: *О благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гиппократова Врача.* Едва только сдѣлалось сіе извѣстнымъ — и юноши, ищущіе просвѣщенія, не замедлили даже изъ отдаленныхъ странъ Отечества явиться въ сіе святилище Музъ пользоваться преподаваемыми въ ономъ науками. Не взирая на причиненныя повсюду разстройства, въ нынѣшнемъ Академическомъ году Университетъ имѣлъ 129 получившихъ званіе Студентовъ, не щитая множества другихъ, слушавшихъ Профессорскія наставленія съ позволенія Университетскаго Начальства.

Попечительное Правительство не оставило обратить вниманія своего и на возобновленіе учебныхъ пособій. Разноряженіями его и разными благодѣтельными приношеніями благомыслящихъ Особъ Университетская Библіотека имѣетъ теперь болѣе 5,000 книгъ. Въ пріумноженіи ея участвовали разныя учебныя въ Россіи заведенія, какъ то: 1) Санктпетербургская Академія Наукъ; 2) Медико-Хирургической Академіи Санктпетербургское Отдѣленіе, и 3) Отдѣленіе Московское; 4) Главное Училищъ Правленіе; Университеты: 5)

---

1) Изъ Академіи получено 2766 книгъ.
2) Получено 1507 книгъ.
3) ——— 418 ———
4) ——— 3 книги.
5) 50 книгъ. Сей Университетъ обѣщалъ доставить еще значительное количество книгъ.

Дерптскій; 6) Казанскій; 7) Абовскій; 8) Училища подвѣдомыя Харьковскому Университету; 9) Государственный Адмиралтейскій Департаментъ; 10) Императорская публичная Библіотека; 11) Санктпетербургское Экономическое Общество.

Всѣмъ симъ мѣстамъ Университетъ пріятнѣйшимъ долгомъ поставляетъ изъявить публично свою благодарность, равно какъ и Гг. Почетнымъ своимъ Членамъ: 1) Митрополиту Римскихъ въ Россіи церквей Богушу Сестренцевичу; 2) Преосвященнѣйшему Ярославскому Архіепископу Антонію; 3) Вице-Адмиралу Сарычеву; 4) Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Лабзину; 5) Дѣйствит. Стат. Совѣтнику Малиновскому; 6) Берлинскому Астроному Боде.

Свидѣтельствуетъ свою признательность и другимъ Особамъ, споспѣшествующимъ пользѣ Наукъ: 1) Его Сіятельству Гну. Государственному Канцлеру, Графу Румянцову; 2) Тайному Совѣтнику Габлицу; 3) Инженеръ-Полковнику Меншу; 4) Под-

---

6) Получено 95 книгъ.
7) ——— 60 книгъ и серебреная медаль.
8) ——— 125 книгъ.
9) ——— 1 книга.
10) ——— 1 ———
11) ——— 121 ———
1) ——— 12 экземпляровъ сочиненій его.
2) ——— 25 ———
3) ——— 3 книги его сочиненія.
4) ——— 1 книга.
5) ——— 1 ———
6) ——— 2 книги его сочиненія.
1) Отъ Его Сіят. получена 1 книга.
2) Получено 20 книгъ.
3) ——— 20 книгъ.
4) ——— 13 книгъ.

полковнику Баженову; 5) Директору Лифляндскихъ Училищъ Албанусу; 6) Доктору Мед. Беренсу; 7) Колл. Совѣтн. Зябловскому; 8) Колл. Совѣт. Стойковичу; 9) Капитану флота 1 го ранга Крузенштерну; 10) Капитану флота 1 го ранга Лисянскому; 11) Над. Совѣт. Мухину; 12) Графу Платеру; 13) Стат. Совѣт. Горюшкину; 14) Надв. Совѣт. Наумову; 15) неизвѣстной особѣ изъ Риги, доставившей отборное собраніе книгъ чрезъ купца Селивановскаго; 16) одному Обществу любителей Наукъ, приславшему книги чрезъ Г. Проф. Шлецера.

Знаменитая фамилія Демидовыхъ, изъ давнихъ лѣтъ благодѣтельствующая Университету, и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ оказала блистательнымъ образомъ свою приверженность къ Наукамъ. Университетъ торжественную изъявляетъ благодарность Гну. Тайному Совѣтнику и Кавалеру Николаю Никитичу Демидову, пожертвовавшему въ пользу Наукъ богатое собраніе естественныхъ рѣдкостей, чрезъ что положено основаніе новому Музею *). Сверхъ сего для Музея получены разныя вещи отъ Г.

---

5) Отъ него получено 123 книги
6) ——— ——— 200 книгъ.
7) ——— ——— 13 книгъ его сочиненій.
8) ——— ——— 1 его сочиненіе.
9) ——— ——— 3 Тома его сочиненій.
10) ——— ——— 3 Тома его сочиненій.
11) ——— ——— 5 книгъ его сочиненія.
12) ——— ——— 2 книги.
13) ——— ——— 3 Тома его сочиненія.
14) ——— ——— 4 книги его сочиненія.
15) Чрезъ К. Селивановскаго 417 книгъ.
16) ——— Г. Шлецера получено 472 книги.

*) Отъ Гна. Демидова получено 1250 минераловъ, 1430 раковинъ, 100 полипниковъ, 52 морскихъ ежей и звѣздъ, 18 животныхъ черепокожныхъ, 45 животныхъ цѣлыхъ въ спиртѣ и высушеныхъ; не считая разныхъ частей животныхъ, птичьихъ яицъ и плодовъ растѣній. Отъ него же получено для Библіотеки 68 книгъ.

Проф. Мерзлякова; отъ Гг. Членовъ Императорскаго Общества Испытателей Природы: Власова, Спаскаго и Штелина. И такъ съ прикупленными для Музея вещами въ немъ щитается теперь болѣе шести тысячь рѣдкостей.

Физическій кабинетъ получилъ приращеніе какъ покупкою 41 инструмента, такъ и присылкою пробнаго мѣднаго аршина Механикомъ Гейнамомъ, и теперь состоитъ изо 141 инструмента.

Минцъ-Кабинетъ получилъ приращеніе присылками вещей отъ Колл. Совѣт. Гурьева *) и Кандидата Воскресенскаго **), и теперь состоитъ изъ 4336 разныхъ золотыхъ, серебреныхъ, мѣдныхъ монетъ и другихъ вещей.

Изъ учебныхъ заведеній, при Университетѣ бывшихъ, открытъ уже Благородный Пансіонъ на первой случай въ наемномъ домѣ; о возстановленіи же другихъ заведеній прилагается дѣятельное стараніе, и онѣ вскорѣ будутъ открыты.

Со времени послѣдняго торжественнаго Университетскаго Собранія, бывшаго въ Іюлѣ 1812 года, Университетъ не имѣлъ возможности имѣть оное въ прошломъ 1813 году; но когда гордая столица Франціи покорилась могущественному оружію Россійскому, то Университетъ, пламенѣющій усердіемъ къ ущедрившему его толикими милостями МОНАРХУ, ознаменовалъ радость свою о семъ достопамятномъ происшествіи публичнымъ собраніемъ,

*) Отъ него получено 90 медалей мѣдныхъ, восемь маленькихъ серебряныхъ и 46 Турецкихъ аспровъ.

**) Отъ него получено Болгарскихъ монетъ 17 серебряныхъ и 17 мѣдныхъ, да два мѣдные конька.

бывшимъ 25 Апрѣля сего года, на которомъ Рѣчь читалъ Орд. Проф. Тимковскій, и Оду, сочиненную Г. Попечителемъ Университета, Г. Орд. Проф. и Кавалеръ Сандуновъ.

Другое Собраніе было 14 Февраля въ память умершаго Профессора Физики Страхова, на которомъ Рѣчь читана Проф. Двигубскимъ.

Съ половины 1812 года до сихъ поръ Университетъ лишился многихъ изъ достойнѣйшихъ своихъ Сочленовъ. Орд. Профессоры: прикладной Математики, Колл. Совѣтникъ Панкевичъ; Философіи и Права Естественнаго Рейнгардъ; Анатоміи и Физіологіи, Докт. Мед. Грузиновъ; Физики, Стат. Совѣт. и Кав. Страховъ, къ общему нашему сожалѣнію скончались, а Адъюнктъ Тауберъ выбылъ въ Харьковскій Университетъ. На упразднившіяся сихъ Чиновниковъ каѳедры поступили другіе Профессоры. Физика препоручена Профессору Двигубскому; для Анатоміи и Физіологіи поступилъ Профессоръ Медико-Хирургической Академіи Московскаго Отдѣленія и Кавалеръ Мухинъ; прикладная Математика поручена Адъюнкту Чумакову.

Въ Экстраординарные Профессоры произведены изъ Адъюнктовъ Данилевскій и Щеголевъ; а въ Адъюнкты Чумаковъ и Ромодановскій.

Почетными Членами приняты: Вице-Адмиралъ Сарычевъ, Тайный Совѣтникъ Демидовъ и Механикъ Гейнамъ.

По законномъ испытаніи произведены: а) въ Докторы Медицины: Ризенко младшій, Ромодановскій, Рябчиковъ, Генника и Буттеръ; Докторомъ Физико-Математическихъ Наукъ Голенищевъ-Кутузовъ; б) въ Магистры Гудимъ-Левковичъ, Стопановскій, Давидовъ и Афанасьевъ; в) въ Кандидаты: Масловъ, Переславскій, Лидинъ, Гавриловъ, Михаловскій, Черняевъ, Цвѣтницкій, Протопоповъ, Оболенскій, Величко, Головинъ, Лакерда, Боровцовъ, Шляхтичъ,

Хоменко, Яковлевъ, Семеновъ, Богдановъ, Медвѣдевъ; г) въ Лѣкари, Пантеевъ, Замятинъ, Наумовъ, Гречищевъ, Добровъ, Воронцовъ, Цейдлеръ, Петрищевъ, Крыловъ, Виноградскій и Дьяконовъ; въ Аптекари: Шилингъ и Матти.

Изъ Магистровъ умеръ 1, а одинъ выбылъ; изъ Кандидатовъ выбыло 4.

Во всѣхъ Московскому Университету подвѣдомыхъ Гимназіяхъ и другихъ Училищахъ учащихся было 5918 человѣкъ. Въ Губерніяхъ, сопредѣльныхъ Столицѣ, и которыя были театромъ войны, многія Училища разорены; но теперь возстановляются опять, и вновь открыто училищъ 11, Пансіоновъ 4.

Въ Ценсурномъ Комитетѣ процензуровано рукописей 197.

Задача, обыкновенно задаваемая Университетомъ въ торжественномъ Собраніи, будетъ объявлена въ Вѣдомостяхъ.

На слѣдующій Академическій годъ избраны Совѣтомъ и утверждены Г. Министромъ народнаго просвѣщенія Гг. Орд. Профессоры а) въ Деканы: въ Отдѣленіе Словесныхъ Наукъ Тимковскій, въ Отдѣленіе Врачебныхъ Наукъ Котельницкій, въ Отдѣленіе Физико-Математическихъ Наукъ Стат. Совѣт. и Кав. Прокоповичь-Антонскій, въ Отдѣленіе Политическихъ и Нравственныхъ Наукъ Стат. Совѣт. и Кав. Сандуновъ; б) въ Члены Училищнаго Комитета: Цвѣтаевъ, Черепановъ, Снѣгиревъ, Мерзляковъ, Гавриловъ, Тимковскій.

Секретаръ Совѣта Профессоръ и Кавалеръ Двигубскій.

3 кн в 1-ом пер

12-50
052444/387

